

Искорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1960

Подвиг школьника

УТРОМ Саша Логинов, ученик 14-й школы города Выборга, шагал вдоль железнодорожного полотна, с наслаждением вдыхая воздух, пахнувший хвоей и талым снегом. Мальчик спешил в школу. Догнал двух девочек, которые шли по шпалам с детской беззаботностью, размахивая портфелями.

Тревожный паровозный гудок разорвал тишину. Саша быстро обернулся, увидел — чёрная блестящая громада паровоза почти вплотную навалилась на девочек.

Заметили это и другие люди, взрослые и ребята. Кто-то из них испуганно крикнул, кто-то растерянно замахал руками. Но ни один не отважился прийти на помощь девочкам.

Саша прыгнул на насыпь, схватил девочку за пальтишки, с силой оттолкнул в сторону.

Он ощутил страшный, оглушающий удар в голову. Задышавшись, жадно глотнул воздух...

Мальчик пришёл в сознание только через четыре дня на больничной койке. Несколько месяцев он был прикован к кровати. Врачи поставили диагноз: кровоизлияние в мозг. Оказалось, что вагон, следующий за паровозом, проломил Саше череп.

Врачи самоотверженно боролись за его жизнь. Сашу навещали учителя, товарищи, родители спасённых девочек — первоклассниц 37-й железнодорожной школы Тани Веселовой и Вали Давыдкиной.

После больницы Сашу Логинова направили в санаторий.

Сейчас он успешно учится в 10-м классе 14-й школы Выборга. Недавно ему вручили одновременно комсомольский билет и похвальную

грамоту Центрального Комитета комсомола за отвагу при спасении жизни двух девочек-октябрят.

На снимках: Саша Логинов и спасённые им девочки — Таня Веселова и Валя Давыдкина; Саша Логинов готовит себе обед. Мальчик живёт один и ему приходится хозяйничать.

Фото Г. Сафонова

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Михаил Бернович

Рис. А. Мартынова

Мальчику

Кем ты будешь, мой друг,
озорной и весёлый крепьш?
Деревеньку у леса
какими прославишь трудами?
На звезду улетишь
иль симфонией мир удивишь,
Или Землю украсишь
большими, как море, садами?
Брат, погибший в бою,
улыбаясь, глядел со стены,
Как, склонясь над столом,
не тая своего удовольствия,
Из большого журнала
ты вырезал карту Луны
И, подумав, чернилами выделил
море Спокойствия.
А потом всю тревожную ночь
находился в пути.
Ты летел на ракете,
оставив дороги земные,
Прилунился, чтоб вымпелы Родины
первым найти,
И ребята всех стран
услыхали твои позывные...
Я желаю великой удачи,
всегда и везде,
Твоему поколению,
идущему следом за нами.
На земле без войны
и на самой
далёкой звезде,
Где с народом её
обменяешься ты
вымпелами.

САМУИЛ Полетаев известен читателям по рассказам, опубликованным в журналах «Мурзилка», «Уральский следопыт», «Пионер» и другие. Воспитанник детского дома, студент, доброволец-рядовой во время Отечественной войны и снова студент литературного факультета — таков путь С. Полетаева в литературу.

Рассказы «Возвращение Алёши» и «Туман и Серно» входят в сборник рассказов С. Полетаева, который будет выпущен в 1960 году издательством «Молодая гвардия».

С. Полетаев

Рисунки Ю. Шабанова

Возвращение Алёши

Р А С С К А З

АЛЁША оставил на дворе чемодан и на цыпочках поднялся по ступенькам крыльца. Он хотел войти в дом неожиданно и застать домашних врасплох. Сейчас он бесшумно

войдёт в кухню, сядет возле плиты, возьмёт горсть семечек (на плите обязательно должна стоять сковородка с подсолнухами) и как ни в чём не бывало будет лузгать, пока из комнаты не выйдет мама. Она, конечно, остановится и вскрикнет от удивления...

Алёша с трудом унял дыхание, с бьющимся сердцем нажал на дверь. Она не поддавалась. Дверь была заперта. Алёша поморщил лоб и огляделся по сторонам. Куда же все могли уйти?

— Здравствуй, Алёшенька!

Из соседнего дома вышла тётя Настя с мокрым бельём в цинковом корыте. Руки и передник её были в хлопьях мыльной пены. Она поставила корыто на крыльцо.

— Поди-ка сюда, дай посмотреть на тебя, — сказала она, вытирая руки о передник. — Целый год не видела.

Алёша подошёл, покорно

встал перед ней, опустив руки по швам, и дал себя осмотреть.

— Прямо мужчина! — одобрила тётя Настя. — Ну, рассказывай, как жилось у чужих? Со-скучился по дому, а?

Алёша знал, что тётя Настя ещё не раз забежит к ним домой и дотошно обо всём будет расспрашивать, и не хотел сейчас тратить времени.

— Вы не видели моих? — перебил он её.

— Где же им быть? В школе, конечно. Мало ребятам в году мороки было, так ещё летом работу выдумали...

Алёша оставил свой чемодан у тёти Насти и пошёл в школу.

Школьного двора он не узнал. Кроме небольшой площадки перед крыльцом, где сиротливо стоял бильярдный столик, да маленького стадиона с баскет-большим щитом и турником, всё было в клумбах и грядках, поросших цветами и молодой зеленью. Вдоль забора высажены кустарники и молодые деревца, а у домика, где находились школьные мастерские, новенькими стёклами блестели парники.

Алёша ходил по двору, заглянул в мастерские, постоял над парниками, разглядывая разросшиеся огуречные листья, и недоумевал: когда всё это успели понастроить?

Школа была пуста. На дверях висел замок. Алёша заглянул в окна. В тёмных и пустынных сейчас классах висели на стенах старенькие географические карты. Классные комнаты показались ему низкими и тесными. Он нашёл свою парту, за кото-

рой когда-то сидел, и удивился, до чего же она сейчас выглядела маленькой. А ведь всего лишь год прошёл. Всё ему представлялось тогда огромным и внушительным.

— Ты кого же это ищешь? — услышал он голос и обернулся.

В дверях флигеля напротив школы стояла уборщица тётя Поля и держала на руках голого малыша.

Нянечка была женщина немолодая и суровая, ребята побаивались её, но Алёша спокойно смотрел на неё, уже не чувствуя былого страха. Верно, и в самом деле он вырос, и маленькая сельская школа, в которой он проучился столько лет, ушла из его жизни. Малыш сосал кулачок и беззастенчиво рассматривал пришельца.

— На каникулы, значит?

— Ага.

Тётя Поля подошла к Алёше и стала придирчиво оглядывать его, и опять ему пришлось стоять навытяжку.

— Жил у знакомых или у родни? — допрашивала нянечка.

— У маминой подруги. Но она всё равно как родная.

— Оно и видно, что в хорошие руки попал, поправился, худобы не видеть.

— Это я просто вырос, наверное, — смутился Алёша.

— Ну и вырос, понятно. Пришёл школу посмотреть?

— Да нет, я своих ещё не видал, думал, они здесь.

— В поле все ушли. С дороги-то устал? Зашёл бы ко мне, отдохнул.

— Да нет, спасибо, я лучше пойду, — замылся Алёша.

— Как знаешь. А то ведь не долго ждать, скоро на обед приедут.

Но Алёша ждать не стал.

Шёл он зелёной тропой, мимо огородов и колхозных пашен, срывал на ходу колоски и растирал на ладони ещё сыроватые и мягкие зёрна. От жёлтой сурепки и синих васильков рябило в глазах, дышалось как-то особенно легко и привольно. Вдали виднелась полоска леса, тянуло свежим ветерком, пахло чебрецом, первым сеном и лёгкой горечью полыни. Над овсами трепетали жаворонки, вся равнина искрилась на солнце и как бы звенела от их песен.

Первой Алёша увидел Иринку. Она стояла маленькая, с торчащими красными бантиками в косичках, почти наполовину скрытая молодыми кукурузными метёлками, держала в руках пучок сорной травы и удивлённо таращила на брата свои голубые глаза.

— Что, не узнала? — рассмехался Алёша, приседая перед ней на корточки.

— Ой, Алёша!

Она покраснела до самых ушей, до самых беленьких щёчек на висках и на тоненькой шее, и продолжала стоять с растопыренными руками, не зная, что сказать.

— Ну-ну, работай, — сказал Алёша и выбрался из кукурузы, а Иринка послушно склонилась над грядкой и торопливо стала выпалывать сорную траву, ревниво оглядываясь на ребят. Их галстуки мелькали в зелени, как красные маки.

Вот оно что! Ребята, оказы-

вается, торопились — кто первый, и Алёша оторвал сестрёнку от дела.

— Мама!

Алёша едва узнал её под пёстрой косынкой, повязанной по-деревенски. Но косынка не уберегла её лица от солнца: на носу и на щеках выступили веснушки, которые делали её похожей на всех ещё не старых деревенских женщин.

— Алёша! Когда же ты приехал? А мы тебя ждали позднее...

— Я решил сюрпризом, — сияя, произнёс Алёша. — Понимаешь, все старшие классы уехали на две недели в колхоз, ну, а я, я...

Алёша опустил глаза, с трудом скрывая торжествующую улыбку. То, что он скажет сейчас, должно очень понравиться маме.

— Что же ты?

— В общем, я подал заявление директору, что обязуюсь отработать в нашем колхозе и привезти справку. — Алёша вскинул глаза на мать и весело рассмехался. — Правда, ма, я здорово придумал, а?

— Это очень, очень умно! — обрадовалась мать. — Конечно, ты хорошо придумал.

— Им ведь всё равно, где отработать, правда? А я зато больше отдохну, да, ма?

Мать чистой стороной кисти поправила чуть съехавшую набок косынку, ласково и внимательно посмотрела на сына и ничего не ответила.

— Ну, а как же Клава? — спросила она. — Ты её не очень стеснял? Я так и думала. Ведь

она у нас жила когда-то почти два года, ты совсем ещё маленький был и не помнишь. Мы жили в Ровницах, папа там директорствовал... Ой, ты, наверное, устал с дороги?

— Да, есть немножко.

— Посиди в тенёчке, отдохни, мы скоро обедать поедем.

— Нет, я пойду папку поищу. Пока!

Отца Алёша нашёл среди других взрослых, которые пришли на прополку вместе с ребятами. Они орудовали тяпками, явно озабоченные, как бы не отстать от ребят. Это было даже немножко смешно — взрослые старались не отстать от детей!

Отец, чуть сутуловатый, в потёртом армейском кителе и старой соломенной шляпе, стоял в кукурузе и рассматривал каждую вырванную сорнячину, придерживая рукой пенсне. Кажется, только он один не торопился. Алёша подошёл к нему совсем близко, встал перед ним и по-солдатски отдал честь. Отец встрепенулся, подхватил упавшее пенсне и радостно просиял:

— Алексей, ты? Какими судьбами?

Алёша откровенно наслаждался впечатлением, которое

произвёл его неожиданный приезд. А отец, конечно, ничуть, ничуть не изменился, такой же немножко смешной и увлечённый. Через минуту он, как истый биолог, рассказывал Алёше о своих наблюдениях.

— Удивительной живучести эти сорняки, — говорил он, показывая сыну развесистый будяк. — Ты обрати внимание, какие у них развитые корни. Они могут расти на совершенно бесплодной почве и дают побеги даже от крошечного корешка. И если бы некоторые свойства их передать культурным растениям...

Отец всегда был занят какими-то опытами и теперь, наверное, был счастлив, что смог их с маленького пришкольного огорода перенести на большое поле, которое школе выделил колхоз.

Алёша слушал отца не очень внимательно: всё это ему живо напомнило уроки, а ему ни о чём, что напоминало школу и учебный год, не хотелось думать. Он с любопытством оглядывался по сторонам, узнавал вдалеке многих ребят и своих старых учителей. Вон и директор, Арсений Петрович. Он сто-

ял в другом конце участка, поглядывая на часы, то и дело записывая что-то в блокнот. Оказывается, здесь шло соревнование на скорость.

Алёша решил не мешать и не отвлекать отца. Он кивнул ему и выбрался на тропинку. Найдя ме-

стёчко, поросшее высокой густой травой, он лёг на спину, заложил руку под голову, грыз травинку и мечтательно смотрел в небо.

До него доносились приглушённые расстоянием голоса, они сливались с тихим шелестом ветра, стрекотанием кузнечиков, навевали ленивую дрему и сладостное чувство покоя.

Вскоре приехал грузовик. Ребята бросились занимать места, а когда все уселись, среди них устроились и взрослые — учителя и родители. Теперь все вдруг заметили Алёшу. Ребята подняли шум.

— Алёша, валяй к нам!

— К нам, к нам садись! — пищали девочки, теснясь, чтобы освободить место.

Его усадили, как самого почетного гостя. Ребята глазели на него, словно впервые видели. Малышам он, видимо, казался очень большим, потому что учителя разговаривали с ним, как с равным. Да, закончить восемь классов и перейти в девятый — это что-то, наверное, значит!

Мать у всех на глазах прижимала его к себе, гладила волосы, а он почему-то чуточку стеснялся.

— Наверно, отвык от деревенской жизни, — говорили учителя.

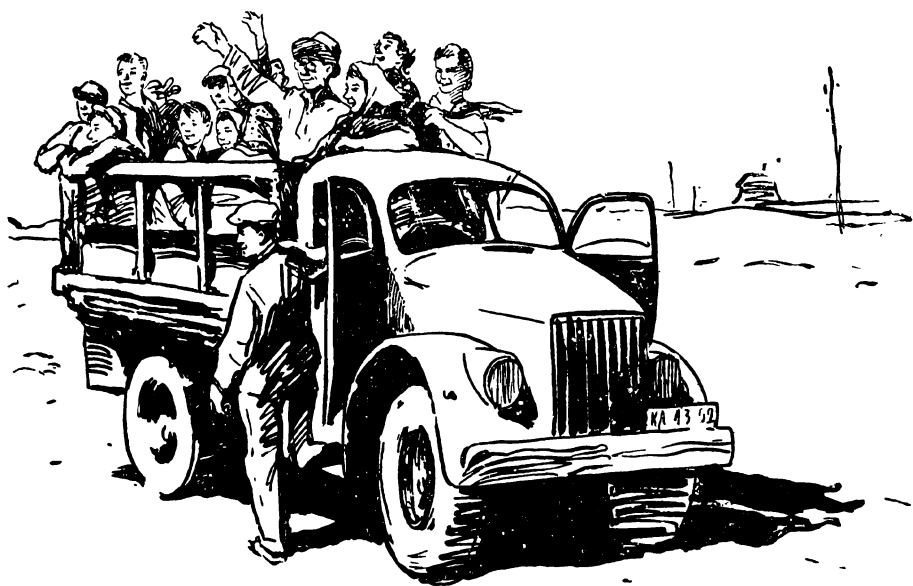
— Боже, какая причёска!

Он расспрашивал о своих бывших одноклассниках. Многие остались в колхозе, работали на фермах, копнильщиками, на комбайнах, прицепщиками. Алёша втайне гордился, что не остался в колхозе и учится дальше. Ему казалось, он тем самым перерос одноклассников и оставил их позади. Правда, уже давно хлопчут об открытии в их селе средней школы, но когда-то это ещё будет!

Вскоре подъехали к колхозной столовой. Ребята стали гурьбой прыгать с машины и бросились к столам занимать места. Алёша смущённо потоптался у входа — удобно ли обедать со всеми, когда он не работал? — но мать позвала его, и он уселся с нею рядом. Иринка уселась к нему на колени, отец же пошёл на кухню договариваться насчёт лишнего обеда.

— Я теперь совсем дома не готовлю, — смеялась мать. — В столовой последнее время стали вкусно кормить, так что просто нет смысла заниматься этим дома. И для ребят устроили летний лагерь на месяц с бесплатными обедами. Понимаешь, как всё это хорошо!

Они сидели всей семьёй за одним столом и весело болтали среди звона тарелок и шума ребячьих голосов. Алёша проголо-

дался с дороги и охотно съел и то, что мать переложила со своей тарелки, и даже то, чего не доел отец. Он сразу вспомнил далёкое детство, когда любил с отцом есть из одной тарелки. А Иринка горделиво оглядывалась по сторонам — вот какой у неё большой и красивый брат, смотрите!

— Эх ты, дошкольница! — потрепал он её за косички. — Небось, за первый класс уже всё перечитала? Что же ты будешь делать в школе с будущего года?

— Я ей запретила читать, — сказала мать. — И все книжки спрятала.

— А у меня есть подружка из первого класса, — похвасталась Иринка. — Я даже один раз на уроке была.

Алёша довольно оглядывался по сторонам, рассказывал о городе, о тёте Клавде, о своих новых товарищах, о том, как со-

скупился по своим и как хорошо проведёт здесь время..

— Ну вот и хорошо, очень славно, — радовался отец. — Значит, ты чудесно отдохнёшь. Тебе надо набраться сил, хорошенько окрепнуть, ведь в девятом классе будет очень трудная программа.

— Здорово я придумал с этим заявлением, пап, а? — возбуждённо говорил Алёша. — Представляешь, все ребята ещё когда вернутся по домам, а я уже с вами!

Потом отец рассказывал что-то об опытах, которые проводили ребята, но Алёша после сытного обеда не очень внимательно слушал его. Он разглядывал Иринку, подмигивал ей и ерошил бантики на косичках.

— Ей-богу, встретить я её у нас в городе, ни за что бы не узнал.

Он говорил: «У нас в городе», «в нашем городе» или «а у вас тут, смотри, какие перемены».

Он словно был немножко чужим и всячески подчёркивал это. Отец и мать понимающе переглядывались и не перебивали. Алёша говорил больше всех, наслаждаясь бойкостью своей речи.

Вскоре к столовой подъехала машина, и ребята опять бросились занимать места.

— Ты прости, Алексей, как-то не очень удобно оставлять ребят, — извиняющимся голосом сказал отец. — Вечером мы обо всём, обо всём поговорим.

— Да, сынок, ключ от дверей ты найдёшь в сарае, под дровами. Надеюсь, помнишь, где? — сказала мать. — Откроешь дом, войдёшь и поспишь после обеда. А нам ещё немного осталось.

И даже Иринка, которая всё время держала брата за руку, вдруг отпустила её и бросилась занимать место в машине. И вообще та поспешность, с которой они оставили его, даже не пытаясь пригласить с собой, немножко задела его. Никто из ребят не вспомнил о нём и не оглянулся, словно его и не было здесь.

Вскоре машина, гудя и сотрясаясь от ребячьего крика, скрылась за колхозными амбарами.

Кругом вдруг стало тихо и пустынно. Повариха заперла дверь столовой на щеколду. Алёша присел на крылечко, чувствуя, что радость от встречи, которая ещё только что жила в душе его, как-то сразу потускнела.

«Поспишь после обеда...» Да, но почему он должен спать после обеда, когда все уехали в поле? Он совсем не устал и мог бы поехать со всеми. Впервые он с сожалением и неловкостью подумал: а что, собственно, случилось бы если бы он вместе с классом поехал в колхоз и прибыл домой позднее?

Алёша встал с крылечка, взъерошил волосы и растерянно огляделся. В задумчивости он постоял немного, а потом зашагал по дороге, которая ещё дымила от пыли, поднятой грузовиком. Идти было не меньше часа, и его приходу все, конечно, удивятся, но всё равно он ещё успеет поработать вместе со всеми. От этой мысли с души словно свалилась тяжесть...

Туман и Серко

ХОЗЯЙСТВО у водовоза дяди Коли несложное: кони Серко и Туман, бричка, кнут и бочка на тридцать два ведра. И работа простая: развозить воду по комбайнам, в прохладную погоду — раз, а в жаркую — и два раза. Вёрст тридцать приходилось давать, а то и больше.

Часто с водовозом ездил внук его Вася. Усядутся рядом на облучке и погоняют в два голоса. Иногда дед позволял внуку вожжи подержать.

Однажды занедужил что-то дед. Запряг он коней, налил в бочку воды, присел на ступицу и дрожащими руками стал скручивать сигарку.

— Я, дед, сам повезу, ладно?

— А справишься?

— Что ж я, не ездил с тобой?

— Ну, поезжай, — согласился дед, — а я прилягу. Мне к полдню полегчает.

Ехал Васька тихо, пока стан видно было, а как выкатил далеко в поле, оглянулся и гикнул:

— Но, ми-илай!

«Эх, — думает, — прокачусь, благо деда нет!» — и огрел Серко.

Конь шархнул влево, бричка с дороги съехала прямо в пшеницу. «Не так, — думает Васька, — я лучше Тумана вытяну». И жиганул его плёткой по шее. Туман всхлипнул, рванул вперёд, бричка ещё дальше в пшеницу заехала.

Рисунки И. Скоробогатова

Еле Васька выправил коней на дорогу. Сидит он на мягком облучке, лоб утирает и прислушивается. Впереди конские селёзки ёкают, а сзади вода в бочке взбулькивает. Чем дальше едут, тем сильнее булькает. Оглянулся он и заглодел: бочка набок свернулась, а из неё вода хлещет. И шланга не видно. Чем же воду теперь разливать?

Васька остановил коней и побежал шланг искать. Всю дорогу обыскал, в пшенице бегал, нигде не нашёл. Обернулся он, смотрит, коней на месте нет. Забыл он про шланг — и обратно. А кони в поле ушли, бричку за собой таскают и пшеницу топчут. Забежал Васька спереди и кнутовищем по морде, по морде. Кони на дыбы, бричка задом катится, а Васька, знай, охлёстывает.

Мимо прошла машина с зерном, выглянул из кабины шофёр и пальцем погрозил. Насилу вывел Васька коней на дорогу. На место бричку водворил, смотрит, а в щели между план-

ками шланг торчит. Заглянул в бочку, а там — половина осталась. Напился он, лоб смочил и поехал дальше.

«Как же мне с ними? — с тоскою подумал Васька. — Не бить их, что ли?» — и перестал бить. Только теперь ничего уже не помогло — кони и вовсе встали.

Сидит Васька и думает, как бы их, окаянных, умаслить? Может, что и придумал бы, но тут вдруг сзади зашуровала машина. Васька дёрнул коней в сторону, чтобы дать дорогу, но машина остановилась.

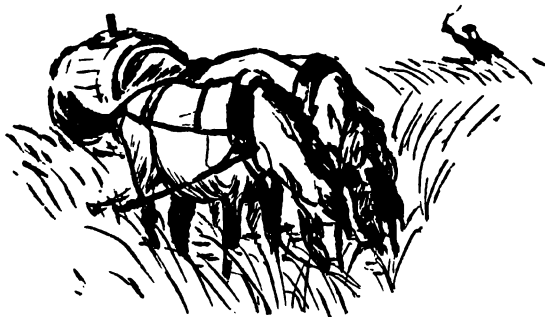
Смотрит Васька — из кабины дед вылезает. Прихрамывая, подошёл он к бричке, влез на облучок, забрал у Васьки кнут и пустил коней.

Долго он молчал. Потом закурил.

— Видал я поле потоптанное, — сказал он, выпустив дым из-под сивых усов. — Зря, получается, пустил я тебя одного!

— А что, я виноват, что бочка подвернулась? Да ещё шланг куда-то задевался.

Дед пыхнул дымком и усмехнулся:

— А с чего это бочка сама подвернётся? Бил, небось, признайся!

Васька промолчал.

— Эх ты, голова куриная! — продолжал дед. — Конь молчит, а ведь про себя соображает: ты меня бьёшь по дурости, а я ведь знак понимаю...

Кони чуть замедлили шаги, словно прислушивались.

— Но, милые! — причмокнул дед и чуть приподнял кнут. Кони послушно наддали, а Васька смотрел во все глаза и не понимал: почему же так — дед только приподымет кнут, а они уже бегут, а он хлестал, а они ни с места?

— Какой такой знак? — спросил Васька.

— А такой: ты ему махни разок, он надбавит. А мало, так ещё махни, он ещё надбавит. Вроде как в машине — переведёшь на вторую скорость — машина одним ходом пойдёт, третью включишь — другим хо-

дом пойдёт. А ты хлестать!

Внук, устыжённый, смотрел в поле.

— А ведь Туман и Серко памятные у меня кони.

— Памятные? — удивился Васька.

— Памятные, — повторил дед и помолчал. — Я ведь на Тумане и Серко в Берлин в сорок пятом пришёл.

Васька недоверчиво покосился на деда.

— Их в сорок пятом и на свете не было, — сказал он.

— Не было... А вот и были. Да только другие, тоже Туман и Серко. Сколько я на них мин на огневую перевозил — и не упомнишь! Кони молчат, а разуменье в них человеческое. Как услышат, бывало, арталят, так сразу ложатся безо всякой команды. А из Берлина отправил я их домой. С полной, можно сказать, демобилизацией. В сохранности отправил. Берёг я их пуще глаза своего, но и они меня спасали. Как награды мне давали, я думал, это и Серко и Туману награды.

Дед вздохнул, вынул сигарку и уставился поверх Тумана и Серко. А Васька увидел вдруг Берлин. Стоит на улице солдатская шеренга, а с краю — Туман и Серко. Всем ордена дают, дошла очередь до коней.

— Дед, а дед, — сказал Васька, — а если конь подвиг делает, ему медаль давали?

— То-то и оно, что не догадались, — усмехнулся дед. — Конь — тварь бессловесная, сам об этом не скажет. Ну, а по делу если, так иной конь больше воевал, чем человек. А ты кнутом...

— Наверно, потому не давали, что коню носить негде, да, дед?

— Э-э, голова! — рассмеялся дед. — На конных состязаниях дают медали да жетоны, а хозяин хранит. А вот в войну не додумались. А по справедливости, так моим Туману и Серко не только медали, ордена полагались. Мало ли ихнего брата в войну голов посложили!

Долго они ехали по колхозному полю. Вокруг желтела пшеница, и казалось, никогда не выедешь из неё. Кони спокойно цокали, и мерно взбулькивала в бочке вода.

— Дед, а дед, — тихо сказал Васька, — дай кнут, а?

Васька взял кнут, расставил ноги и хриповатым дедовским голосом просипел:

— Но, ми-илай!..

И тихонько так приподнял кнут. И кони, словно по знаку, надали вперёд и легко помчали по дороге.

Вовка-художник

РАССКАЗ

Валерка и Вовка Шошин сидят на крошечной лужайке, пригнувшись к чугунной школьной ограде, и режутся в «ножички». Теплынь. Солнце. Полосатая, как тельняшка, тень потихоньку сползает с них, будто кто-то нарочно за руку её стаскивает. Над головами ребят тихо покачиваются ветви старого клёна. На самой нижней ветке сидит чумазый воробей и, склонив набок голову, с любопытством смотрит, как Валерка треснутым черенком перочинного ножика со вкусом заколачивает в землю колышек.

— Тащи-и! — во весь рот улыбается Валерка.

Вовке не хочется тащить колышек. Ему хочется стукнуть везучего Валерку по шее, но ничего не поделаешь — игра есть игра. Кряхтя и сопя, он становится на колени и низко нагибает голову. Жёлтый хохол воткнулся в зелёную траву, перепутался с ней.

— Ну чего ты всё носом землю колупаешь? — говорит Валерка. — Тащи! Зубами...

Вовка косит на приятеля хитрым зелёным глазом.

— А кто нашу стенгазету будет раскрашивать? — спрашивает он.

Валерка хмурит белые брови.

— Как кто? Колька Орлов...

— Сказал тоже — Колька! — Вовка садится на корточки и стряхивает землю с колен. —

Твой Колька мазила. Он мне показал в своём альбоме какое-то страшилище и спросил: «Отгадай, кто это?» Я говорю, какое-то древнее бесполезное ископаемое... А он говорит: «Балда! Это же ворона». А почему, спрашиваю, у неё попугаев клюв? «Это, говорит, вовсе не клюв, а хвост...» Вот посмотришь, наша газета будет хуже всех...

Валерка, забыв про невытащенный колышек, запускает пятачок в волосы. Этого допустить нельзя! Классная стенгазета должна занять на школьной выставке первое место и получить премию. Валерка даже на второе место не согласен. Столько все старались, заметки писали и на тебе — Колька Орлов, оказывается, мазила! Это точно, что мазила: нарисует что-нибудь — потом всем классом от-

гадывают... Все говорят — птица, а Колька уверяет, что суслик. А без рисунков какая газета! Не газета, а так — недоразумение.

— Давай, тащи! — сердито говорит Валерка. — Думаешь, расстроил человека, так он и про колышек забыл?

Вовка, что-то бурча под нос, снова становится на колени и нагибает желтоволосую голову. Колышек забит на совесть! Даже кончика не видно. Не за что зубами зацепить. Зелёная трава щекочет в носу, земля набирается в рот. Вовка чихает, отплёвывается.

— А я знаю одного человека — здорово рисует! — говорит Вовка. — И ты его знаешь...

— Не знаю... — морщит лоб Валерка. — Как звать этого человека?

— Хитрый!

— Ну скажи первую букву.

— Всё равно не отгадаешь, — Вовка пальцем соскабливает с носа землю. — Ладно, скажу... Этот человек — я!

— Врёшь! — Валерка недоверчиво смотрит на Вовкин затылок.

— Вру!.. — усмехается Вовка. — У меня дома, если хочешь знать, шесть альбомов с разными рисунками... Мама их даже гостям показывает. Хвалят.

— Гости?

— Гости, — подтверждает Вовка. — А дядя Вася из Консерватории, знаешь, что сказал? Он сказал, что из меня может получиться этот... Ну, который ещё трёх медведей нарисовал в лесу...

— Шишкин, — подсказывает Валерка.

— Во-во! Шишкин... Этот... пейзаж у меня особенно здорово получается.

— А молчал!

— Не люблю, понимаешь, хвастать, — говорит Вовка. — Я человек скромный...

Тут Вовка и сам заметил, что малость перехватил.

— Это не только я такой, — заторопился он. — Все начинающие художники сначала рисуют для себя, а потом, когда научатся, — для всех. Я уже могу рисовать для всех!

— Давно бы надо для всех, — сказал Валерка. — Видали! Мама гостям показывает, а он ребятам ни гу-гу... Будешь теперь в нашу газету рисовать!

— Могу... — Вовка покосился на колышек.

— Ладно, — сказал Валерка, — пускай тут пока торчит...

Он очертил острой щепкой место, где был забит колышек, а посередине положил серый булыжник.

— Это зачем ещё? — спросил Вовка.

— Если обманешь, — при всех зубами тащить будешь, — сказал Валерка.

На другой день Вовка Шошин притащил в школу три больших альбома.

— А говорил шесть... — сказал Валерка.

— Еле эти-то приволок. — Вовка положил альбомы один на другой, и они заняли пол-парты.

— Дай-ка посмотрю, — Валерка протянул руку к верхнему альбому.

— Не лапай! — сказал Вовка. — На переменке всем покажу.

Пока шёл первый урок, весь класс с любопытством посматривал на Вовкину парту, где лежали три альбома. Даже учительница обратила на них внимание.

— Что это у тебя, Шошин? — спросила она.

— Да так, — сказал Вовка, — кое-какие наброски...

На перемене альбомы пошли по рукам. Рисунки и правда были хорошие.

— Ай да Вовка! — ахали ребята. — Настоящий художник...

— Это ещё что, — сиял Шошин. — У меня дома картина — закачаешься!

Важный стал Вовка — не походи! После уроков он приходил в пионерскую комнату, где члены редколлегии стенгазеты «Всё делай своими руками» переписывали начисто заметки и приклеивали их на большой белый лист, и командовал:

— Разве так приклеивают?

Не видите — косо? А ну, пере-клейте!

Ребята послушно переклеивали. Вовка художник, ему видней, что прямо, что криво.

А Вовка, засунув палец в рот, уже читал заметку и хмурился.

— Этой... соли не вижу, — говорил он. — Соль нужна. Ясно?

Ребятам не совсем было ясно, какая Вовке нужна соль, но они не спорили.

Когда все заметки были приклеены, Вовка молча свернул лист в большую трубку, перевязал шпагатом и сунул под мышку.

— Рисуй лучше здесь, — посоветовал Валерка. — Каких хочешь кисточек и красок полно. А то вдруг дождь пойдёт — всю нашу газету замочит.

— Не замочит, — сказал Вовка. — Тут обстановка не творческая. Шумят, галдят... Рисовать — это вам не фунт изюму!

— Мы будем молчать, как рыбы, — заверили его ребята. Им очень хотелось посмотреть, как он рисует. Но Вовка был непреклонен. Забрал стенгазету и ушёл домой.

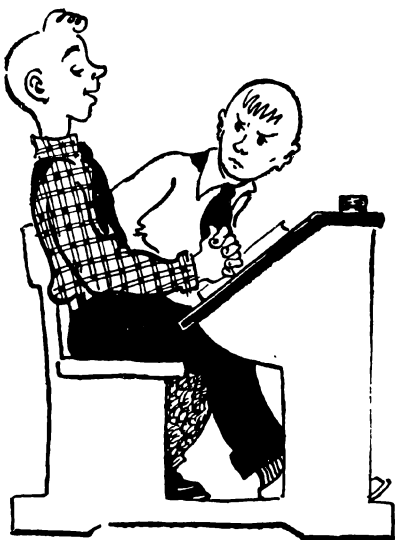
Утром Валерка первым долгом спросил:

— Готово?

— Какой быстрый! — сказал Вовка. — Знаешь, сколько художник Иванов рисовал одну картину? Двадцать лет — во!

У Валерки даже руки зачесались, так захотелось ему съездить по бесстыжей Вовкиной физиономии.

— Ты... ты что это? — сказал он, покраснев от злости. — Че-

рез два дня выставка открывается!

— Говорили тебе, надо было Кольке Орлову поручить, а не этому трепачу, — сказала смешливая толстушка Рая Струнина, и большой голубой бант на её голове возмущённо подпрыгнул.

— Это кто трепач? — спросил Вовка и так глянул на Раю своими зелёными глазками, что она, ойкнув, спряталась за спины ребят.

— Ты трепач, — сказал Валерка, — мы не можем ждать твоих рисунков двадцать лет! Газета послезавтра должна висеть.

— Ну-ну, я вам покажу, какой я трепач, — сказал Вовка. — Вы ещё «ура» мне кричать будете...

В день открытия школьной выставки стенгазет с утра заморосил дождик. Капли стучали по широким, похожим на большие ладони, кленовым листьям. И листья мелко-мелко дрожали. «Прошляпили первое место... —

подумал Валерка. — И всё из-за этого...» Он покосился на Шошина, невозмутимо сидевшего рядом за партой. Вовка что-то чертил карандашом на обложке тетрадки и улыбался.

«Подвёл весь класс и ещё радуется!» — возмутился Валерка. Но ничего не сказал. Вот уже два дня они с Вовкой не разговаривали. Вовка обиделся, что его трепачом обозвали. Не хотелось и Валерке первому обращаться к нему, но и молчать он больше не мог. Вырвал из тетрадки лист и написал записку.

Вовка прочитал, непонятно улыбнулся и небрежно скомкал записку. Не дождавшись ответа, Валерка разозлился и написал ещё одну записку: «Немедленно отвечай, где газета, а то заработаешь!» Но и на этот раз Вовка ничего не ответил. Только хитро ухмыльнулся. Валерка хотел было его как следует лягнуть под партой ногой, но тут зазвонил звонок.

— Что же это ты, Вовка? — сказал Коля Орлов, добродушный мальчишка с длинными, как у девчонки, ресницами. — Обманул?

— Я говорила, подведёт! — из-за широкой Колькиной спины выкрикнула Рая Струнина. — Что теперь делать?

— Бить надо, — мрачно посоветовал кто-то.

Вовка спокойно всех выслушал, улыбнулся и сказал:

— Айда за мной!

В светлом актовом зале со всех сторон глядели на ребят раскрашенные стенгазеты. Вовка подвёл к самой красивой, возле которой толпились маль-

чишки и девчонки. Они глазели и тихонько ахали от восторга. Валерка тоже ахнул, когда поближе увидел свою газету. Она была самой лучшей в зале. Ай да Вовка, молодец! Удивил. Всем было ясно, что первое место обеспечено.

— Ну что? — сказал Вовка, когда утихли первые восторги. — Трепач, да?

Валерка подошёл к нему и при всех сказал:

— Можешь меня изо всей силы стукнуть по шее.

Вовка великодушно отказался.

— И меня, пожалуйста, прости, Вова, — смиренно попросила Рая. — Я больше не буду.

Вовка простил.

Подошла пионервожатая Анна Сергеевна.

— Поздравляю вас, ребята, — сказала она. — Чудесная получилась газета. Заметки написаны живо, интересно, а особенно хороши рисунки. Первая премия — ваша.

— Это он рисовал, — улыбающийся Валерка подтолкнул вперёд Шошина.

— Володя? — удивилась Анна Сергеевна. — Вот как... Ну, молодец!

— Постарался, — сказал Вовка и скромно потупился.

— Вот только под моей заметкой ты почему-то забыл утёнка нарисовать, — заметила глазастая Рая. — Видишь? Тут даже место осталось.

— Какой ещё там утёнок? — удивился Вовка.

— Маленький такой, жёлтенький... Нарисуй, пожалуйста, Вова!

— Сейчас сделаем, — распорядился Валерка. — Тащи сюда краски и кисточку!

— А может быть, без этого... утёнка обойдёмся? — встревожился Вовка. — Очень он нужен!..

— Ты его в два счёта набросай, — сказал Валерка. — С утёнком газета ещё интереснее будет.

— Газету снимать придётся... А потом снова приколачивать.

— Снимем!

Газету осторожно сняли, положили на широкий подоконник. Прибежала Рая с красками и кисточкой.

— Действуй! — сказал Валерка.

Вовка неловко ткнул кисточкой в баночку, зачем-то понюхал. Видно, краска прокисла, потому что Вовка сморщился.

— Не могу здесь работать, — сказал он, — обстановка, понимаешь...

— Идём в пионерскую комнату, — нахмурился Валерка. — Газету осторожнее! — предупредил он ребят.

Из пионерской комнаты Вовка всех прогнал. Остались он и Валерка. Отчаянно тряся жёлтым чубом и зажмурив правый глаз, Вовка принялся рисовать утёнка. От чрезмерного усердия кончик Вовкиного языка высунулся. Валерка стоял за спиной, смотрел и всё больше хмурился.

— Это утёнок? — негромко спросил он.

— Утёнок, — уверенно сказал Вовка. — Красивый получился, правда?

— Это же... — возмущённый

Валерка не сразу подобрал нужное слово. — Верблюд это, а никакой не утёнок!

— Скажет тоже — верблюд! — Вовка, склонив набок голову, посмотрел на дело своих рук. — Разве бывают верблюды такие маленькие? А потом у верблюда всегда два горба, а...

Валерка подошёл к нему вплотную. Серые глаза его от негодования потемнели.

— Читай! — ткнул он пальцем в ярко раскрашенный заголовок стенгазеты.

— Ну чего ты глазищи-то вытаращил? — отступил на шаг Вовка. — Может быть, я утёнка ещё не научился рисовать, а всё остальное научился... Может быть, утёнков да цыплят рисовать куда труднее, чем верблюдов! Может...

— Читай, говорю!

— Ну, «Всё делай своими руками» тут написано...

— То-то и оно — своими! — сказал Валерка. — А ты чужими.. Эх!

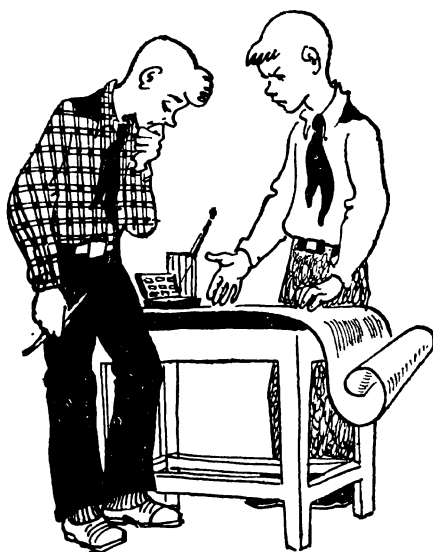
— Да не чужими вовсе! Митька — брат мой нарисовал... Родной!

Валерка стал ногтями сдирать с ватмана листки с текстом.

— А премия? — опешил Вовка.

— Кому нужна такая премия?!

Валерка отодрал последнюю заметку, свернул в трубку лист

с утёнком-верблюдом и сунул Вовке.

— Забирай, художник-врунище!

— Отошёл к окну и «там-тара-там!» — забарабанил пальцами по стеклу.

— Я тоже, захочу, научусь так рисовать, — сказал Вовка.

В ответ: «Там-тара-там!»

— Я же не для себя, а для всех... Думал, вот получит наш класс премию. Первую...

«Там-тара-там!»

Вовка стукнул Валерку по плечу.

— Ладно, идём колышек тащить.

— Не-ет, — сказал Валерка. — Пускай пока торчит. Зимой тащить будешь, когда земля мёрзлая.

В АПРЕЛЕ 1920 года руководитель партизан Приморья Сергей Георгиевич Лазо был предательски захвачен японцами во Владивостоке. После жестоких пыток японцы и белогвардейцы сожгли отважного партизана в паровозной топке на станции Муравьёво-Амурская (теперь ст. Лазо). Сергей Лазо много сделал для победы Советской власти на Дальнем Востоке.

Рассказы Доната Мечика, которые напечатаны ниже, раскрывают страницы из жизни Сергея Лазо.

Из цикла рассказов
«Человек в солдатской шинели»

Донат Мечик

Рисунки А. Круглова

«Награда»

ПЕТЬКА Глыдько сидел на дереве. Перед ним — гнездо. Он пищал, а маленькие воронята охотно открывали клювики. Каждому птенцу он дал имя и легко отличал их друг от друга.

— Дьяволы! Хоть бы до вас скорее Лазо добрался! — донёсся до Петьки отчаянный голос.

Мальчишка мигом скатился с дерева и побежал вдогонку, шлёпая по лужам босыми, обветренными ногами.

Двое японских солдат вели Петькиного отца к японскому штабу. Позади шёл офицер Судзуки и жевал американскую резинку. Обессиленный машинист Глыдько уже не сопротивлялся японцам.

НЕСКОЛЬКО часов назад машинист вышел на перрон. По железнодорожному полотну, обнюхивая шпалы, бежала рыжая дворняга. Глыдько

вынул из кармана аккуратный свёрток, достал из него толстый ломоть хлеба с маслом, отломил небольшой кусок и бросил на полотно дороги.

На семафорном столбе висело объявление. Глыдько прочитал: «Третье сентября одна тысяча девятьсот девятнадцатого года. Русский гражданин, проходя мимо японцев, обязательно должен приветствовать их под козырёк либо снятием головного убора».

«Что же это получается?! — подумал машинист. — Полтора года японцы глумятся над нами, хозяйничают на нашей земле, а за это ещё и почитай их, шапку сымай. Не моему характеру указ такой».

И вот в стороне от села, у оврага, собрались железнодорожники. Глыдько погладил рукой недавно отпущенные, подёрнутые сединой усы, и не спеша закончил короткую речь:

— Не дадим больше японцам издеваться над нами. А там будь что будет. Может, и Лазо подоспеет.

— Дело говоришь! Объявления повесили, читай их! А может, я неграмотный? А ежели

и грамотный, может, не для того русской грамоте обучался, чтоб перед японскими офицерами унижаться, — пробасил слесарь Петров.

— Не управиться нам с ними, — простуженным голосом сказал старик Фадеич. — Я вот две войны прошёл... Пятнадцать лет назад они нас, как хотели, били. Ей-богу! А тогда у нас всякое оружие было. И генералы к тому же... Нет, я до драки не горазд.

— Всякому терпенью конец приходит! — закричал Глыдько. — Что делать, не знаю! А только не могу перед чужаками пресмыкаться. — Он сорвал с головы шапку и в отчаянии швырнул её в овраг. — Без шапки стану ходить!

Слесарь Петров, не торопясь, снял картуз и кинул в овраг.

— Я перед попом перестал шапку сымать, потому веру в господню силу потерял. У меня с попом интересы разошлись. Так ведь поп-то русский цело-

век. А с самураями у меня счёт старый. По батьке веду.

— А это ты верно сказал, машинист: вчера — станцию, сегодня — фуражку, завтра — жену, а потом и казну давай, — суетливо протараторил старик.

И, как падают в осеннюю ветреную погоду листья с деревьев, полетели в овраг кепки, фуражки, шапки...

Тесной кучей прошли они без шапок мимо японского штаба... Обозлились офицеры, приказали солдатам схватить всех и учинить расправу. Глыдько горячился больше остальных, протестовал и пустил в ход кулаки.

И вот теперь повели Глыдько...

А ЧЕРЕЗ два дня пришли люди и рассказали Егоровне, что японский офицер Судзуки расстрелял бунтовщиков из пулемёта. Люди рассказали, погоревали и ушли. А Егоровна перекрестила Петьку и отдала душу господу богу. Как ни любила, как ни берегла она сына своего, но выдержать горе — потерю мужа — не смогла.

Петьке шёл четырнадцатый год. И хотя смыслёным парнишкой был Петька, всё же растерялся. Проснётся рано по утру, шныряет по двору и не находит себе места. Перед глазами поздние астры и георгины на клумбах... Помидоры и огурцы на ровных грядках, жёлтые сливы на деревьях, кусты крыжовника... Один остался. Не нужны ему теперь огороды.

Как-то собрал он послушных ребят, в тёмную ночь разложил с ними сети на крыше, рядом с

домом мельника, и ждал, когда появится у крыльца офицер Судзуки. Накинули ребята на офицера рыбацкие сети, связали его, отобрали оружие, уволокли в лодку да и утопили в реке.

Сбежал из села Петька, забрав с собой Ваську, что был тремя годами младше его, и пристали они оба к партизанскому отряду.

ПРОШЁЛ месяц. Попривыкли ребята к партизанской жизни, сроднились с новыми людьми и всё мечтали погнать японцев из родного села.

— Я бы сейчас горшок каши съел. А ты, Васька, съел бы горшок каши? — спросил как-то Петька, разбирая затвор неисправного оружия и поглядывая на конника, прискакавшего в отряд.

— А то как же! — ответил Васька.

— А два горшка?

— И два съел бы!

— А шей сколько съел бы?

Васька подумал, глубоко вздохнул и ответил:

— Мно-о-го!

— И я много. А целого быка ты бы сейчас съел?

— Ежели поджарить, съел бы, — уже не задумываясь, ответил Васька. И тут же добавил: — Только с хлебом.

Командир отряда подозвал мальчишек и рассказал, кто этот человек, приехавший в отряд.

— Ишь вы какой! — выпалил Петька и недоверчиво посмотрел на солдатскую одежду Лазо. — А вы вправду Лазо будете?

— Вправду. А вы вправду знаменитые Петька и Васька?

Ребята переглянулись, посмотрели на командующего и один из них недоверчиво сказал:

— Да вы нас и не знаете.

— Нет, знаю, — ответил Лазо.

— Вы только балуете с нами, что знаете.

— А вот и знаю, — настаивал Лазо. — А не скажете ли вы мне, куда исчез офицер Судзуки?

— А вы и его знаете?

— И его знаю.

— А зачем он вам?

— Нужен, — строго сказал командующий.

Ребята окончательно растерялись. Если бы они знали, что Судзуки может понадобиться командующему, ни за что не стали бы топить офицера. Живьём бы доставили. Мальчишки взглянули на своего командира, ожидая поддержки, но тот отвернулся, сделав вид, что не

слышал разговора. Тогда Петька решительно сказал:

— Исчез он.

— Куда же он исчез? — спокойно, но настойчиво продолжал допытываться Лазо.

— А он вам дюже нужен?

— Дюже.

— Утоп он, — быстро ответил Петька.

— Как же это так — утоп?

— В речке выкупался, — объяснил Васька.

Лазо покачал головой и не спеша заговорил:

— А мне сообщили, что вы лицом к лицу с врагом встретились, в сети его поймали да в речку кинули. Вот я вам в награду финские ножи принёс. — Лазо достал из кармана два складных ножа. Один открыл, показал ребятам, сложил и спря-

тал его в карман. — Оказывается, ножи-то увозить придётся...

— Дяденька, не увозите, — торопливо заговорил Васька. — Это мы его в реку кинули...

— За батьку мово..

— Офицер Петькиного батьку прикончил. А мы друг другу клятву дали отомстить.

— Держи при себе и береги. На случай встречи с врагом.

Петька взял нож и заплакал.

— А я о вас, товарищ Лазо, впервой от батьки слышал. Когда в последний раз повели его, он японцу кричал, что вас дожидается.

— А мне, дяденька? — растерянно спросил Васька, умоляюще глядя на Лазо.

— А ты не мал будешь для ножа-то?

— Японские офицеры все малы ростом, а мне воевать с ними. При Петьке клянусь!

— В чём же ты клянёшься?

— Может, я ещё не знаю, в чём клянусь, а только при ноже в руки врагу никогда не дамся.

— А я ведь за тобой приехал, — неожиданно для ребят заявил Лазо.

— За мной? — поразился Васька.

— За тобой. Ты, что ж это, Василий Сидоров, — заговорил Лазо, окончательно обескуражив Ваську тем, что и фамилию его знает. — из дому от ма-

тери в партизаны сбежал?

— А я же за Петькой подался.

— За Петькой, говоришь?! А от родной матери, Ольги Никитишны, отрёкся, значит?

— Так я ж за её и воюю.

— У нас в России народа для войны без тебя хватит. Ох, Васька, Васька! В деревне горя не оберутся, а тут ещё с тобой забота. Мать-то ведь от слёз извелась.

Лазо сел на лошадь, а командир отряда поднял Ваську и усадил его вместе с командующим.

— Война ещё не весть сколько протянется, Васька. Подрастёшь, приходи, снова в отряд примем... А пока что с тобой командующему возиться приходится. Время дорогое терять.

— Товарищ командующий, — лукаво глядя ему в глаза и застенчиво улыбаясь, тихо сказал Васька, — ну, пушай я до дому с вами поеду. А как насчёт ножато, мамке хоть показать?

— Получай свою награду.

— Спасибо, товарищ Лазо!

— Запомни, — строго сказал командир отряда, — никакого командующего ты в глаза не видел. Это не Лазо тебя везёт, а посторонний дяденька. Анатолий по имени. Понял? А вы с Петькой из дому сбежали, город посмотреть. И растерялись вы. Где Петька — не знаешь. А тут тебя какой-то дяденька подобрал да до дома доставил. Всё понял?

— Не без понятия мы. Чтобы вас, товарищ Лазо, от японцев утаить, буду дяденькой называть — дядя Толя.

— Всю дорогу называй, привыкнешь. Сдаст тебя товарищ Лазо в руки матери, уедет. А наутро можешь и правду рассказать. Только одной матери.

Лазо попрощался с командиром отряда, с бойцами и тронулся в путь.

Петька крикнул вдогонку:

— Васька! Я, может, к сроку домой не успею, мне ещё японцев прогонять придётся, так ты на наш огород сходи. Овощи и ягоды убери.

Семья партизана

ЛАЗО долил керосина в самодельную коптилку, снял перочинным ножом истлевший край фитиля и, присев к столу, начал писать домой.

Год назад он также сидел и заполнял анкету для поступления в Коммунистическую партию, и на протяжении ночи в воспоминаниях проходила вся его жизнь. Детские годы... помещичья усадьба в большом молдавском селе... Петербург, Технологический институт... Военное училище... Пятнадцатый Сибирский полк, Забайкальский фронт.

«Дорогая мама и милый мой Стёпа! Я окреп, как никогда. Только в труде и борьбе крепнет человек. Думаю, Стёпа, ты также будешь революционером, как твой брат. Приучай себя к труду и закаляй лишениями. Пусть тебя не страшит суровая жизнь, наполненная трудом.

У меня родилась дочка Адочка. По фотографиям походит на Ольгу и на меня, но повидать пока не удалось.

Целую и обнимаю. Серёжа».

Лазо перечитал письмо и стремительным движением натруженных пальцев подчеркнул слова «Только в труде и борьбе крепнет человек». Не раздеваясь, он прилёг на скамейку, положив под голову полевую сумку, накрылся запylённой шинелью, взглянул на фотографию Адочки и погасил коптилку. Но ему не спалось. Он вспомнил, как месяц назад написал письмо на Русский остров, жене Ольге, и посоветовал ей увезти Адочку.

Партийная организация направила Ольгу заведующей школой на Сучан, в деревушку Гордеевку, отдалённую от железной дороги, и поручила ей держать связь с партизанским отрядом. В Гордеевке белые перестреляли всех мужчин, ограбили избы и огороды, увели скот. Женщины забили школу досками; увозили детей, опасаясь появления карательного отряда. И Ольга поселилась у одинокой старухи.

Штаб отряда оповестили об этом, и уже ничто не могло удержать Лазо. Идя на риск, он всё же из осторожности, опасаясь обнаружить связь Ольги с партизанами, оделся под мужика, накинул на плечи перевязанный верёвками увесистый мешок, натянул на голову шапку-ушанку, взял в руки палку и двинулся в путь, сгорбившись под тяжестью поклажи.

Поздний вечер... густой лес... вязкая болотистая почва... И снова лес... нестерпимые боли в ногах, распухших от воспаления почек.

Перед ним — маленькое поселение в двадцать пять-тридцать изб. Лунный свет падает на стекло квадратного окошка, в котором мерцает коптилка.

Он входит в тёмные сени и глухо стучит палкой о дверь, обитую войлоком. Щёлкает задвижка. Его встречает растерянная старуха.

— Бабуся, я на огонёк постучался. Хочу узнать, где у вас учительница поселилась.

— Заходи, мил-человек, по

грейся, тут и поговорим, — ответила старуха и провела неожиданного гостя к русской печке, от которой тянуло теплом. Он прислонил мешок к табуретке, снял ушанку и ощутил на несколько секунд забытый покой домашнего уюта.

Открывается дверь из комнаты, и перед ним — Ольга... Молодая, красивая... Она смотрит на него большими, нежными глазами, сдерживая себя, чтобы не крикнуть от неожиданности.

Ему так хочется вскочить с табуретки, обнять жену, заглянуть в комнату и взять на руки своего ребёнка. Но он не имеет права узнавать жену.

— Нет ли у вас городских газет? — спрашивает Лазо.

Ольга собирает газеты, незаметно вкладывает в них фотографию Адошки.

У него дрожат руки... Фотография падает на стол. Он поспешно прикрывает её ладонью и прячет в газеты.

«Как отдать мясо и медикаменты»? — тревожит мысль.

— Может, покурить найдётся?

Старуха насыпает ему в карман два стакана самосада.

— После старика осталось, — говорит она и плачет, не вытирая слёз.

Лазо берёт мешок, достаёт мясо.

— В благодарность, бабуса, за курево. А это, может, в хозяйстве пригодится, на случай, если внучата заболеют. Держи, сестрёнка, — говорит он, передавая Ольге медикаменты.

Вскинув мешок, натянув ушанку и взяв в руки палку, он выходит из избы и бредёт на край села. Там, прислонившись к толстой сосне, вынимает фотографию дочери и нетерпеливо зажигает спички. Одна за другой гаснут они на ветру.

Ольга замечает вспыхивавшие огоньки за окном и бежит из избы.

— Не удержался, Ольга, — захотел посмотреть, на кого из нас дочка походит. Оказалось, на тебя... И немножко, кажется, на меня...

Они стоят рядом несколько минут и, не оглядываясь, расходятся.

Фантастическая повесть

*«Человечество не останется вечно на Земле...
Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно
жить в колыбели».*

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пробуждение. ♦ Подслушанный разговор. ♦ Когда приборы ничего не показывают. ♦ В западне.
♦ Из пистолета по металлу. ♦ «Где ты, отец?» ♦ Двое в штурманской рубке.

* *
Михаил Герчик — молодой белорусский писатель и журналист, автор ряда рассказов и очерков для детей.
Повесть «Лети, Икар!» — первое крупное произведение молодого писателя.
* *

ДЕЙСТВИЕ снотворных таблеток было рассчитано на 16 часов. Видимо, они уже прошли, потому что Икар почувствовал, что он просыпается. Медленно рассеивался туман, который 960 минут цепко обволакивал его мозг, вялые мышцы наливались силой, тело приобретало гибкость и подвижность, выработанную длительной тренировкой.

Автоматические зажимы, мягко поддерживавшие Икара в глубоком, уютном кресле, разошлись, и он резко, чтобы прогнать остатки дремоты, выпрямился. Потом легко спрыгнул на пол, затянутый толстым, упругим ковром.

Это был коренастый голубоглазый крепыш. Лицо его порозовело от долгого сна, на лбу, тронутым лёгким загаром, выступили мелкие капельки пота. Выглядел он немного старше своих двенадцати лет. Может быть, виноваты в этом были тяжёловатый, резко очерченный подбородок или широкие плечи и сильные руки мальчика? Или то, что слишком по-взрослому, пристально и внимательно, он огляделся вокруг себя? Наверно, и то, и другое, и третье. Он был одет в длинные брюки из немнущегося синтетического материала и наглухо застёгнутую куртку, очень удобную потому, что на ней было множество карманов:

Светлые, цвета спелой соломки, длинные волосы Икара прикрывала сетка-паутинка — мальчик не любил, когда во время работы они лезли в глаза. Обут он был в лёгкие сандалии, которые двумя ремешками прикреплялись к ноге.

Икар был четвёртым членом экипажа межгалактического фотонного звездолёта высшего класса «Малахит», единственным сыном командира корабля Андрея Дмитриевича Ожегова. Почти два года назад «Малахит» стартовал с Центрального лунного космодрома, держа курс к планете Сирасколия, крупнейшей из четырёх планет двойной 14-й звезды в созвездии Омега, расположенной в глухой провинции спиральной ветви Т-12-8 нашей Галактики.

Икар принял снотворную таблетку 16 часов назад, когда корабль подошёл к квадрату

Альфа-217, в котором, по предположениям и расчётам Ожегова, должен быть проход в «зоне неприступности». Отец запретил ему нести вахту во время штурма этой проклятой зоны, где уже погибло два звездолёта землян.

Это решение он принял после короткой беседы с Бахтиным и Соколовым. Икар нечаянно подслушал эту беседу: он разыскивал в картографическом отсеке карту центральных звёзд Млечного пути, а Ожегов думал, что мальчик вышел.

— Всего предусмотреть нельзя, — твёрдо сказал Андрей Дмитриевич, вглядываясь в лица товарищей. — Прорыв может окончиться гибелью «Малахита». Если это случится, мальчику лучше находиться в забвении. Всё равно во время штурма нам он ничем помочь не сможет.

Бахтин и Соколов согласились.

Когда они ушли, Икар вышел из своего укрытия. Он ничего не сказал отцу: приказ командира на звездолёте — закон. Мальчик просто крепко обнял его и быстро ушёл к себе.

Больше половины земных суток для него не существовало ничего: ни корабля, ни «зоны неприступности», ни опасности, ни отца, ни друзей. И теперь, бесконечно радуясь пробуждению, Икар в первую очередь посмотрел на приборы, дублировавшие показания центрального пульта управления кораблём. Они занимали в маленькой каюте мальчика целую стену и быстрее всех могли рассказать ему о том, что произошло с кораблём и экипажем за это время.

Но... приборы ни о чём не говорили, ничего не показывали.

Икар кулаками протёр глаза.

«Наверно, доза снотворного была очень большой, — недоуменно подумал он. — Неужели я ещё сплю? Да нет же, нет! Вот кресло... Вот микрокниги... Вот приборы... Но что с ними?»

Мальчик закрыл глаза, подошёл к стене и резко провёл по ней рукой. И... вскрикнул.

Нет, то, что он увидел мгновение тому назад, не было сном. Разбитые стёкла приборов, перекошенные экраны локатора и телескопических устройств, сорванные со своих мест карты звёздного неба — не приснились ему. Всё это было. Было и безмолвно, но красноречиво говорило о том, что самые худшие опасения отца, очевидно, сбылись — «Малахит» потерпел катастрофу.

Икар бросился к креслу, в подлокотник которого был вмонтирован небольшой экран телевидеофона, и включил его. Но матовое стекло осталось слепым — ровный голубоватый свет крошечных ламп не осветил его изнутри. Тогда растерянный, охваченный тревогой мальчик закричал в микрофон:

— Отец, у меня в каюте разбиты все приборы! Телевидеофон не работает! Что случилось? Что случилось?

Решётка микрофона равнодушно проглотила его слова. Разнеслись ли они по всем трубкам и отсекам корабля? Придёт ли ответ?

Икар замер, прислушиваясь. Ни одного звука.

Тогда Икар бросился к двери

и толкнул её. Высокая овальная дверь, которая раньше открывалась легко и бесшумно, сейчас не поддавалась. Видимо, перекосилась рама. Тогда Икар навалился на дверь плечом и забарабанил в неё кулаками. Но пористая обивка поглощала звуки; с таким же успехом Икар мог бы попытаться сдвинуть с места скалу.

Каюту заливал мягкий дневной свет. Уютная квадратная комнатка, к которой Икар так привык почти за четыре года полёта, где ему были знакомы каждая книга, каждая карта, каждый прибор на лабораторном столике, показалась сейчас мальчику мышеловкой, западнёй. Он был замкнут в неё. Разбитые приборы, не позволявшие определить положение корабля, отсутствие связи, невозможность установить размеры катастрофы — всё это заставляло тревожно сжиматься сердце мальчика.

Беспомощно потоптавшись у двери, он подошёл к креслу и тяжело опустился в него. К этому мальчика приучил отец. Он всегда говорил:

— Если надо что-нибудь сделать и есть время подумать — подумай.

Икар стал думать.

Чем открыть дверь? Использовать стойку стеллажа вместо рычага? Не годится. Дверь сидит плотно, нет ни одной щели. Взорвать её? А чем?

Икар вздрогнул. А подарок отца — К-лучевой пистолет? *

* К-лучевой пистолет — оружие, использующее энергию, выделяющуюся при распаде к-частиц (фантастическое).

Как же он забыл о нём! Как хорошо, что пистолет хранится в ящике письменного стола, а не в командной рубке и не в арсенале! Правда, пустив в ход пистолет, он произведёт значительные разрушения, но их можно будет исправить. В крайнем случае придётся пожечь некоторое время в каюте без двери.

Икар метнулся к столу, достал пистолет и передвинул на рукоятке кнопку влево до отказа: чтобы пробить толщину стены «Малахита», нужна была чудовищная энергия.

В широкой воронке, которой оканчивался короткий ствол пистолета, вспыхнул яркий луч. Тонкий, словно иг-

★ «Малахит» стартовал с Центрального лунного космодрома, держа курс к планете Сирасколия.

★

ла, он упёрся в дверь как раз в том месте, где она соединялась со стеной, и прошёл её насквозь. Икар, медленно поднимая руку, повёл пистолетом вверх. И через мгновение дверь с тяжёлым грохотом упала в центральный коридор. В стене образовалось зияющее расплавленным металлом отверстие. Мальчик выключил подачу энергии, отшвырнул пистолет и бросился в коридор.

В коридоре, похожем на высокую штольню, стояла тишина. Только негромко гудели уцелевшие приборы, отмечавшие вибрацию корпуса корабля, и мерно щёлкали автоматические регуляторы воздуха. У стены вылась узкая дорожка эскалатора. Икар вскочил на неё и нажал кнопку.

Но дорожка стояла, словно приклеенная к полу.

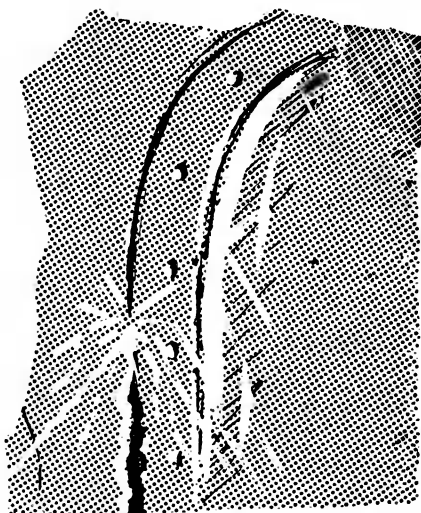
Мальчик растерянно оглянулся. Куда бежать? В отсек главного двигателя? Да, скорее всего отец там. Не работает масса приборов, очевидно, не хватает энергии. Раз так, значит что-то случилось с двигателями. А может, отец в штурманской рубке, у главного пульта?

Раздумывать было некогда. До командной рубки было ближе, и Икар помчался туда.

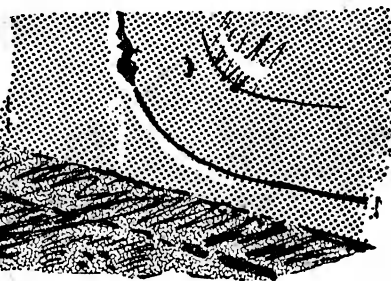
С трудом сдерживая дыхание, Икар подбежал к штурманской рубке и рванул на себя дверь. Она легко поддалась, и он вбе-

чи сложных приборов, карты и схемы пути..

И здесь, в этом святая святых звездолёта, где никогда не было

ни пылинки, царил разгром. Правда, большинство приборов уцелело, и сейчас они оживлённо перемаргивались разноцветными огоньками, но даже беглого взгляда Икару было достаточно, чтобы увидеть вырванные из своих гнёзд счётчики, программ-

Икар, медленно поднимая руку, повёл пистолетом.

жал в большой круглый зал, в котором размещался мозг корабля: электронные машины, прокладывавшие курс, локаторы, регуляторы двигателей — тыся-

ные устройства, осколки стекла, перекошенные рычажки на центральном пульте управления.

Но сейчас всё это не интере-

совало мальчика: у локатора фронтального обзора, широко раскинув руки, лежал его отец. Глаза его были закрыты, из уголка рта через подбородок на шею сбегала узкая полоска уже засохшей крови. Ни Бахтина, ни Соколова в рубке не было.

Глухо вскрикнув, Икар бросился к отцу. Задыхаясь, мальчик подтянул его к креслу и, собрав все силы, втащил отяжелевшее тело на мягкое, широкое сидение. Потом разыскал сосуд с водой и выплеснул её отцу на лицо. Струйки воды побежали за ворот рубашки. Андрей Дмит-

риевич глубоко вздохнул и открыл глаза.

Несколько мгновений он всматривался в Икара затуманившимся взором и не узнавал его. Затем притянул мальчика к себе.

— Что случилось, отец? — растерянно спросил Икар, пригладив ладонью спутавшиеся волосы Ожегова. — Приборы разбиты, Бахтина и Соколова нет, ты в крови...

— Катастрофа, — с трудом шевеля разбитыми губами, ответил Андрей Дмитриевич. — И, кажется, серьёзная.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Без руля и без ветрил». ♦Поиски и надежды.

♦Трагедия планеты Марс. ♦Открытие Виктора

Сергеева. ♦Корабли летят к Сирасколи.

♦Штурм «зоны неприступности».

♦Перед неизвестностью.

УЦЕЛЕВШИЙ хронометр на центральном пульте управления отсчитывал уже двадцать первый час с того мгновения, как «Малахит», потерявший управление, начал блуждать в бесконечных просторах Вселенной. Точнейшие астронавигационные приборы, которые удалось починить Ожегову и Икару, вычерчивали на шестиметровой карте звёздного неба сложную кривую маршрута. Штурманская рубка была окутана подумраком. Скорость корабля резко падала. Метеориты, астероиды, осколки космических тел, проносившиеся мимо звёздолёта и не обладавшие силой притяжения, достаточной для того, чтобы навсегда приковать его к себе, беспрерывно на

мельчайшие доли градуса меняли его курс. Корпус корабля отзывался на эти изменения глухой вибрацией.

Андрей Дмитриевич, придя в сознание, двадцать первый час не отрывал воспалённых глаз от полусферического экрана локатора. Всякий раз, когда на чёрном бархатном поле появлялась огненная точка, в рубке раздавался резкий, тревожный звонок, сопровождавшийся сухим потрескиванием. Это сверхскоростная электронная вычислительная машина, соединённая с локатором, производила расчёт траектории движущегося навстречу кораблю космического тела. И в те короткие доли секунды, пока Андрей Дмитриевич успевал охватить взглядом

колонки цифр, вспыхивавших на продолговатом матовом экране «СВМ», леденящий холодок подступал к сердцу: механические роботы не действовали, импульсные противометеоритные орудия безмолвствовали. Гибель главного и вспомогательных двигателей лишила их энергии.

Катастрофа произошла, когда её меньше всего ожидали. «Малахит» уже прошёл «зону неприступности» и готовился совершить последний прыжок к двойной 14-й звезде в созвездии Омега. Андрей Дмитриевич уже собирался вызвать из отсека главного двигателя Бахтина и Соколова, чтобы вместе уточнить дальнейший маршрут, когда чудовищный взрыв швырнул корабль вперёд, и командир, ослеплённый пламенем, вспыхнувшим за открытыми иллюминаторами, смятый внезапно возникшей перегрузкой, потерял сознание.

Когда в штурманскую рубку прибежал Икар, «Малахит» уже ничем не напоминал могучий корабль. Это было многотонное металлическое веретено, которое сила инерции несла по неведомым просторам.

Андрей Дмитриевич откинулся в гидравлическом кресле и длинными пальцами потёр виски. Ведь они прошли «зону неприступности»! Со времени запуска первого советского искусственного спутника Земли, который был совершён несколько веков назад, это была величайшая победа человечества над непроницаемым мраком Вселенной... И вот опять не разгаданные ещё

силы Космоса преградили им путь.

ИХ было четверо в этом звездолёте — вершине инженерного гения землян, четыре человека и тысячи сложнейших машин и приборов, которые должны были помочь им проникнуть в неизмеримые просторы Космоса. Широкоплечий голубоглазый великан — Андрей Дмитриевич Ожегов — командир корабля и астронавигатор; юркий, подвижный, как ртуть, астробиолог и врач Бахтин; суровый, немного замкнутый Соколов — инженер-механик электронных машин и системы двигателей и Икар. По корабельным спискам Икар числился оператором съёмочной аппаратуры, но охотно помогал чем только мог всем членам экипажа.

Свыше ста двух лет двигался луч света двойной звезды со скоростью 300 тысяч километров в секунду, прежде чем мог преодолеть чудовищное расстояние, отделяющее звезду от Земли. Для членов экипажа «Малахита», развивающего скорость, близкую к скорости света, всё путешествие должно было продлиться двадцать лет. Это время называлось зависимым, потому что оно зависело от скорости звездолёта. На Земле же за эти 20 «ракетных» лет пройдут два века.

«Малахит» был третьим звездолётом, предпринявшим попытку достичь района двойной звезды. Но вот и эта попытка, как две предыдущие, потерпела неудачу.

Ожегов свёл на переносицу

Чудовищный взрыв швырнул
корабль вперёд.

широкие изломанные брови. Третья экспедиция... И всё равно люди долетят до Сирасколи! Долетят, потому что сейчас только там есть надежда встретиться с братьями по духу, по чувствам и стремлениям — с живыми, разумными существами.

Долгий путь побед и поражений медленно возник в усталом сознании Андрея Дмитриевича. Икар не мешал ему. Уставший, он молча сидел в кресле рядом

и смотрел на приборы. А командир вспоминал.

Меньше чем через четверть века после запуска первого спутника планетолёт «СССР-1» совершил посадку на Луне. Потом нога человека впервые ступила на Марс. К середине XXI века ионные планетолёты землян побывали на всех планетах солнечной системы.

С трепетом смотрели люди на экраны телевизоров, ожидая сообщений от первых межпланет-

ных путешественников. Человеческое воображение, подогретое сотнями фантастических романов и научных гипотез, рисовало причудливые картины жизни на других планетах, встречи людей разных миров.

И эти сообщения пришли. Унылые пейзажи Луны — остроконечные горы, долины, гигантские кратеры вулканов, «моря», заполненные вместо воды космической пылью, — безмолвный и страшный в своей неподвижности мир глядел на людей с экранов телевизоров.

А потом замелькали другие картины, и они заставили всю Землю содрогнуться от ужаса.

Планетолёт «Молния» начал спиральный облёт Марса, и его передатчики послали на Землю

ря, в которых радиоактивные лучи убили даже бактерии — всё это говорило о страшной атомной войне, которая стала самоубийством для марсиан: Ядерные взрывы сорвали и унесли часть атмосферы планеты; должны были пройти миллионы лет, прежде чем на ней могла снова зародиться и начать великую эволюцию жизнь, превращающая бесформенные белковые тела в человека.

Боль и отчаяние, охватившие землян при виде победы смерти над жизнью, сменились ликованием от сознания того, что нам удалось предотвратить гибель своей прекрасной, цветущей планеты, что трагедия Марса никогда не повторится на Земле.

Поиски разумных существ, высших форм жизни на других

рассказ о страшной трагедии, постигшей эту планету, о гибели цивилизации на ней. Люди увидели выжженную землю, покрытую плотным слоем радиоактивного пепла. Руины изумительных зданий, согнутые в узлы нечеловеческой силой металлические конструкции, гигантские каналы, заваленные землёй, мо-

★
Передатчики планетолёта «Молния» послали на Землю рассказ о страшной трагедии Марса.
★

планетах солнечной системы продолжались. Но они были обречены на неудачу. На Венере и Сатурне из-за отсутствия свободного кислорода и колоссального количества энергии, кото-

рую планеты получают от Солнца, жизнь была представлена только мхами и лишайниками, простейшими микробами и бактериями, которые учёным удалось отыскать в полярных областях.

Встретить людей на далёких планетах — Юпитере, Уране и Нептуне никто не ожидал. Вечный холод и мрак царили на этих мирах, не знающих ласки солнечного луча, тихого дуновения ветерка, задумчивого всплеска волны...

Но солнечная система была только крохотным островком в безграничных просторах Вселенной. Далеко, за сотнями и тысячами световых лет пути, лежали «архипелаги» систем, подобных солнечной. И не на одной, а на сотнях планет развивалась жизнь, где близкая к уровню жизни на Земле, а где и намного превосшедшая её. И люди устремили свои взоры к этим мирам. Встретиться с теми, кто населяет их, наладить с ними постоянную связь — это была величайшая мечта человечества уже в первый век коммунистической эры.

Но только сравнительно недавно молодой учёный, главный астроном Лунной обсерватории, Виктор Сергеев сделал открытие, которое вселило в землян

надежду, что эта мечта будет осуществлена. Виктор Сергеев занялся изучением звёздной системы Омеги. Отсутствие на Луне атмосферы, затрудняющей

наблюдения, мощные электронные телескопы, быстродействующая вычислительная аппаратура, которой была оборудована Центральная лунная обсерватория, позволили молодому астроному установить, что у шести из семидесяти двух звёзд созвездия Омега есть свои планетные системы.

Особое внимание Сергеева привлекла планетная система двойной 14-й звезды. Расчётным путём он доказал, что она состо-

ит из четырёх планет, вращающихся вокруг своего Солнца — двойной звезды. Одна из этих планет по физической характеристике и по положению в системе двойной звезды приближалась к Земле. Виктор назвал её Сирасколией — Надеждой.

Более десятилетия изучал астроном Сирасколию. Он установил, что её объём всего на четверть превышает объём Земли, что Сирасколия имеет мощную атмосферу, предохраняющую её от жёстких излучений Космоса. Будучи удалённой от своего Солнца всего на 220 миллионов километров, она получает достаточно света и тепла. Незначительное наклонение оси планеты к плоскости её орбиты должно было вызвать на Сирасколиии смену времён года: суточный оборот вокруг своей оси она совершает за 38 часов, вокруг двойной звезды — Солнца — за 823 земных суток.

И Виктор Петрович сделал вывод, что на Сирасколиии сила тяжести, атмосферное давление и температура близки к земным. А значит, на планете должны быть все условия для появления живых существ, родственных человеку, потому что по возра-

сту Сирасколия намного превосходила Землю.

Открытие Сергеева вызвало огромный интерес.

Семь лет спустя была предпринята первая попытка достигнуть Сирасколиии. Ионный звездолёт «Надежда» стартовал с космодрома Луны. Экспедицию возглавил Виктор Сергеев.

Двигаясь со скоростью 280 тысяч километров в секунду, «Надежда» должна была совершить путешествие на Сирасколию и обратно за сорок зависящих лет. За эти сорок лет должны были пролететь два земных

Более десятилетия изучал астроном Сирасколию.

века для членов экспедиции. Но звездолёт на Землю не вернулся.

Напрасно были нацелены в небо мощные радиоприёмные установки и телескопы. Напрасно Земля ежедневно посылала радиосигналы, разыскивая своих отважных сыновей. «Надежда» бесследно исчезла в чёрных просторах Вселенной.

Но человечество не теряло надежды достичь Сирасколии. За двести лет наука и техника на Земле совершили гигантский прыжок вперёд. На Сирасколию была направлена вторая экспедиция. Её постигла судьба первой.

Тогда и возникло предположение, что звёздная система Омеги состоит из антиматерии *, что это — антимир, куда никогда не сможет проникнуть человек.

Вопрос о полёте на Сирасколию был похоронен на долгие годы.

Около десяти лет неутомимо добивался Андрей Дмитриевич разрешения на третью экспедицию. Он считал, что катастрофа постигла предыдущие звездолёты не потому, что они встретились с антиматерией, а потому, что были технически несовершенны, недостаточно мощны для того, чтобы преодолеть головокружительное расстояние, отделяющее планету Сирасколия от

* Антиматерия. — Всё, что имеется на Земле, в том числе и сама Земля, построено из мельчайших частиц — атомов. Антивещество (антиматерия) тоже состоит из атомов. Но атомы «земные» и атомы антивещества — непримиримые враги. При сближении двух таких частиц происходит их распад, взрыв. Значит, и ракета, сделанная из земного вещества, попав на планету, состоящую из антивещества, взорвётся.

Земли. Наконец звездолёты могли погибнуть от столкновения с метеоритами, которых, по наблюдениям и расчётам астрономов, было в этом районе Галактики очень много.

Около десяти лет борьбы...

Как Андрей Дмитриевич и ожидал, путь к Сирасколии закрывала область необычайного скопления осколков каких-то неизвестных планет, * погибших миллионы лет назад. Эти осколки, занимая площадь поперечником в десятки световых лет, мчались по сложной завихряющей спирали с колоссальной скоростью и обладали могучей силой притяжения. «Малахит» почувствовал её задолго до приближения к зоне: чуткие приборы предупредили Андрея Дмитриевича, что звездолёт вдруг стал стремительно набирать скорость. Только переключив все двигатели на торможение, удалось спасти корабль от верной гибели. Перегрузка, создавшаяся при резком торможении, едва не стоила жизни членам экипажа.

Причина гибели «Надежды» и «Луча» была разгадана.

Попав в гравитационное поле *, они не смогли вырваться из цепкого плена «зоны неприступности». Поток осколков разрушил обшивку кораблей, превратил их в мельчайшие частички космической пыли ещё до того, как астронавты могли успеть послать радиogramму о бедствии.

Несложные расчёты показали, что пробиться через «зону неприступности» невозможно. Ан-

* Гравитационное поле — поле тяготения вокруг большой массы вещества.

дрей Дмитриевич собрал экипаж на совещание.

— Мне кажется, что скопление осколков неоднородно. Где-то должна быть область раскалённых газов, — сказал он. — Обойти «зону неприступности» мы не сможем. Надо найти газовый поток и попытаться пробиться сквозь него. Иного выхода, по-моему, нет.

Соколов утвердительно кивнул.

— Да, возвращаться ни с чем нам нельзя. Но и поиски прохода могут затянуться. Боюсь, что не хватит горючего. По крайней мере на обратный путь. А до Сирасколии при интенсивном торможении ещё около пяти лет пути.

— Во всяком случае, дней десять поискать проход следует, — встал со своего места Бахтин. — Если мы доберёмся до Сирасколии, не думаю, чтобы мы не смогли пополнить там запасы горючего.

Двенадцать дней искал «Малахит» проход в «зоне неприступности». Он легко скользил в чёрном океане Космоса, прощупывая высокочувствительными приборами его просторы. Фотонный двигатель, вынесенный далеко назад, чтобы уберечь экипаж от губительного действия излучения и соединявшийся с кораблём трубой-туннелем, по которой двигался скоростной лифт, делал корабль похожим на гигантскую трубу-веретено.

Сложнейшие полупроводниковые и кибернетические приборы и устройства прокладывали курс корабля, предохраняли его от встреч с метеорами, ав-

томатически **включали** импульсные орудия, которые вдребезги разбивали космические тела, грозившие столкнуться со звездолётом. Они контролировали расход горючего и содержание кислорода в воздухе, температуру в корабле и освещение... Но заменить людей они не могли — приборы подчинялись их команде.

На исходе двенадцатых суток, когда Андрей Дмитриевич уже начал колебаться, стоит ли продолжать поиски, потому что, борясь с колоссальным притяжением «зоны неприступности», «Малахит» расходовал очень много горючего, радиолокационные приборы отметили границу между твёрдыми частицами зоны и областью светящихся газов. В квадрате Альфа-217 Андрей Дмитриевич дал приказ бросить «Малахит» на прорыв. Тогда-то он и отправил Икара в свою каюту, приказав ему принять снотворную таблетку.

Соколов и Бахтин ушли в отсек главного двигателя. Несмотря на показания приборов, свидетельствующие, что обшивка «Малахита» должна выдержать температуру газов, а двигатели — преодолеть силу притяжения, члены экипажа понимали, что борьба будет тяжёлой и напряжённой.

Но иного выхода не было.

...Андрей Дмитриевич вспомнил, как «Малахит» вошёл в «зону неприступности».

Могучий светящийся поток потряс корпус корабля. Стрелки приборов, отмечающие вибрацию, поползли вверх. Но металл выстоял. Андрей Дмитриевич

включил все холодильные установки, чтобы сбить быстро поднимающуюся температуру, и это удалось ему, хотя иногда жара в рубке достигала 50—60 градусов.

ИХ было четверо на «Малахите», и корабль, развив большую скорость, менее чем за 15 часов прорвался сквозь «зону неприступности». Взрыв произошёл, когда звездолёт уже выходил на свободный космический простор и начал набирать скорость. Очевидно, колоссальная температура газа вызвала перегрев отражателей главного двигателя, изменила атомную структуру металла. Отражатели начали оплавляться, мгновенно заменить их запасными механические роботы почему-то не смогли. Колоссальная энергия, не подчиняясь уже регуляторам, вырвалась на свободу. Чем можно было иначе объяснить взрыв двигателей и, по-видимому, смерть Бахтина и Соколова, Ожегов не знал.

...На панели, привлекая внимание Андрея Дмитриевича, тревожно защёлкал прибор, контролирующий запасы энергии в аварийных батареях. Командир равнодушно посмотрел на него. Тридцать пять суток... Так он и

думал. Ещё тридцать пять суток аварийные батареи будут питать энергией уцелевшие приборы, подавать воздух, поддерживать температуру в рубке. А затем, если корабль не попадёт в метеоритный поток и не погибнет, на пультах погаснут разноцветные лампочки, и ледящий холол начнёт просачиваться через его обшивку.

Смерть... Андрей Дмитриевич решительно встал с кресла. Нет, о смерти думать рано. Тридцать пять суток... Это ведь очень много времени. Командиру не раз приходилось бывать в авариях, когда счёт шёл не на сутки, а на минуты и даже секунды, и когда только неукротимая жажда жить помогала ему одержать победу. А сейчас он должен добиться победы любой ценой, чтобы спасти Икара.

Прежде всего надо было осмотреть останки корабля. Невслышно ступая по мягкому, ворсистому ковру, затягивавшему пол рубки, Андрей Дмитриевич подошёл к креслу, в котором задумчиво сидел Икар, и осторожно положил ему на плечо руку.

— Нам надо поговорить, сынок, — негромко сказал он.

Икар резко поднял голову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отец и сын. ♦Осмотр звездолёта. ♦Звезда, зажённая «Малахитом». ♦Ожегов ищет решение.

ОЖЕГОВ с затаённой нежностью посмотрел на сына. Вот уже пять с лишним лет Икар делил с ним радости и трудности жизни астролётчика, и только сейчас он мучительно

пожалел о том, что взял сына в это опасное путешествие. А был ли другой выход? Ожегов отрицательно покачал головой: нет, не было.

Конечно, малышу лучше было

бы оставаться на Земле, такой родной и уютной, знакомой до каждого ручейка, до каждого кустика и камешка, учиться в школе вместе со своими сверстниками и, только достигнув физической и духовной зрелости, вступить на тропу покорителей межзвёздных просторов. Но с тех пор как, предотвратив взрыв атомного реактора и спасая сотни людей, погибла его мать, Икар ни одного дня не мог прожить без отца. Ему шёл тогда седьмой год.

Когда Андрей Дмитриевич в первый раз после смерти жены оставил сына у бабушки и улетел с обычным грузовым рейсом на Луну, мальчик так тяжело заболел, что врачи посоветовали Ожегову сменить профессию и не разлучаться с сыном, потому что это может привести к очень тяжёлым последствиям. Сменить профессию он не мог, он был астролётчиком, жизнью его, воздухом его были космические корабли. Не прислушаться к предупреждению врачей он тоже не мог — Андрей Дмитриевич очень любил своего сына.

В это время в ангарах Лунного космодрома полным ходом шли работы по сборке «Малахита». И Ожегов решил взять Икара с собой.

Разве мог он расстаться с мальчиком, собираясь в экспедицию на Сирасколию?! Ведь «Малахит» улетал в Вечность. В лучшем случае к моменту его возвращения на Земле должно было пройти двести лет. Любая задержка в пути удлиняла этот срок.

Отправившись в этот полёт,

члены экипажа звездолёта навсегда прощались со всеми — родными, близкими, друзьями. Прощались, чтобы уже больше никогда не встретиться. За двести лет на Земле должно было вырасти совершенно новое поколение.

Конечно, их будут ждать, о них будут помнить. Конечно, их окружают любовью и почётом, этих пришельцев из глубин двух веков. Но всё равно они будут чужими среди чужих, одинокими в любой толпе, ушедшими далеко вперёд и одновременно безнадёжно отставшими. И они обрекают себя на это одиночество, не страшась его, во имя великой цели.

К тяжести невозмездимой утраты Ожегов не мог прибавить ещё одну. Вернуться на Землю здоровым пятидесятилетним мужчиной, когда твой сын, твой маленький мальчик с голубыми, словно озёра, глазами и смешным хохолком на макушке, умер сто пятидесятилетним или двухсотлетним стариком, — об этом он даже подумать не мог.

У Бахтина и Соколова не было детей. Они были молодыми двадцатипятилетними парнями, посвятившими свои жизни суровой и нелёгкой работе астролётчиков. У каждого из них на Земле оставались отцы, матери, братья, сёстры. У Ожегова, кроме Икара, не было никого.

И Ожегов обратился в Совет Покорения Космоса с просьбой разрешить ему включить Икара в состав команды звездолёта. Сборка «Малахита» должна была ещё продолжаться около года. Андрей Дмитриевич знал,

что за эти годы он сможет многому научить мальчика, подготовить его к предстоящему полёту.

Совет Покорения Космоса, учитывая выдающиеся заслуги Ожегова, разрешил ему в порядке исключения взять сына с собой.

После пятимесячной тренировки Андрей Дмитриевич привёз Икара в лунную колонию, а вскоре взял его в первый рейс «Земля—Марс».

Когда-то Икара звали просто Игорем. Новое имя ему дали астролётчики — друзья отца в память об отважном сыне легендарного Дедала, устремившемся к Солнцу. Сперва Игоря называли Икаром шутя, а потом привыкли. Все, даже отец.

Андрей Дмитриевич в душе гордился сыном. Икар рос смелым, не по возрасту смелым парнишкой. Окружённый сложнейшими механизмами и приборами, он пытливо присматривался к ним, незаметно усваивая основы науки звездоплавания. Астронавты, тосковавшие по своим семьям, по своим детям, которых они не видели годами, отцовской любовью полюбили мальчика и, как могли, опекали его, готовили к трудной, но героической профессии.

Когда на стапелях космодрома заканчивалась сборка «Малахита», части которого на Луну доставляли грузовые ракеты, Икар в лёгком скафандре облазил на нём все закоулки. Сборщики шутили, что мальчик ра-

★ Икар в лёгком скафандре облазил все закоулки «Малахита». ★

дуются предстоящему путешествию больше, чем все остальные члены экипажа, вместе взятые.

Со времени старта «Малахита» прошло около пяти лет. Глядя на сына, Ожегов с мягкой улыбкой подумал о том, как он подрос и возмужал. Он ласково взял руки Икара в свои ладони.

— Сейчас мы выйдем и осмотрим останки «Малахита», — сказал Андрей Дмитриевич. — Раньше это сделать было нельзя — дозиметры отмечали, что мы, как хвост, тянем за собой жёсткие излучения, возникшие от взрыва двигателей и запаса горючего. Наши скафандры их не выдержали бы. Сейчас радиация ослабла. Одевайся! Когда вернёмся, подумаем, что делать дальше.

В шлюзовой камере отец и сын быстро надели скафандры, снабжённые портативными радиостанциями и крохотными реактивными двигателями для перемещения в безвоздушном пространстве. Ровно загудели насосы, отсасывая из шлюзовой камеры воздух, мотор бесшумно отодвинул тяжёлый люк, и по лёгкой металлической лесенке они вышли на площадку верхнего обзора своего корабля, вернее, того, что от него осталось.

Чёрная космическая ночь окружала их. Где-то там, вдалеке, ярко сверкали звёзды Омеги, словно драгоценные камни, вкрапленные в чёрный бархат. Отсюда их можно было видеть невооружённым глазом. Левее клубилась, пересыпанная крохотными звёздочками, спираль-

ная туманность, уходящая к центру Галактики. Мир безмолвия, враждебный мир жестокого холода раскинулся вокруг на миллиарды километров.

Икар невольно вздрогнул. Маленьким, обречённым на гибель показался он себе перед головокружительным расстоянием, отделявшим их от родной Земли, перед всеми препятствиями, лежавшими на этом пути.

Вдруг внимание мальчика привлекла необычайная звезда, горевшая совсем недалеко, у самого края чуть светящейся полосы, охватывавшей всю северную часть неба. Звезда горела пульсирующим, неровным светом. Время от времени из неё вырывались огненные вихри. Какое-то мгновение они спиралями вписывались в небо, а затем бесследно падали на звезду, взметая фонтаны крупных искр. На карте звёздного неба, на которую Икар взглянул перед выходом из звездолёта, этой звезды не было.

— Что это за звезда, отец? — крикнул он в микрофон.

— Это всё, что осталось от нашего двигателя и запасов горючего, — услышал мальчик в наушниках глухой голос отца. — Эту звезду мы, к несчастью, зажгли сами, сейчас там происходит цепная ядерная реакция колоссальной мощности.

Андрей Дмитриевич включил прожектор, укреплённый на скафандре. Широкий луч света вырвал «Малахит» из черноты вечной ночи. И только помня о том, что Икар слышит каждый его вздох, командир сдержался и не

вскрикнул от горя, охватившего его.

Силой взрыва шестидесятиметровое сооружение высотой с трёхэтажный дом, в котором размещались главный и вспомогательный двигатели, вместе с трёхсотметровой соединительной трубой было отрезано, словно бритвой. От корабля осталась только собственно ракета — помещение для экипажа, лабораторий, приборов — сорокадвухметровая сигара девяти метров в диаметре с днищем, увенчанным вздыбившимися волнами расплавленного, разодранного металла. При взрыве металл намертво заклепал выход из корабля в соединительную трубу, автоматические затворы шлюзов не допустили вторжения холода безвоздушного пространства.

Потрясённый, смотрел Ожегов на результаты катастрофы. Весь опыт учёного и инженера не мог ему подсказать, какие силы бросили корабль в момент взрыва вперёд, опасли его и Икара от мгновенной гибели. Объяснение могло быть только одно — в последнюю секунду перед взрывом Соколов и Бахтин, чтобы спасти их, пожертвовали со-

бой. Они отсоединили ракету от двигателей и успели переключить их на торможение. Этой секунды было достаточно, чтобы «Малахит» ушёл от центра взрыва на безопасное расстояние. И только на днище его взрыв оставил свою отметку.

За двадцать два часа, которые прошли после катастрофы, скорость «Малахита», благодаря трём значительным отклонениям от курса, упала. Но Ожегову и Икару казалось, что корабль вообще неподвижно висит в пустоте, и о том, что он движется, они знали только по тому, что перед выходом из штурманской рубки посмотрели на приборы.

Взрыв вырвал из корабля сердце — двигатель, лишил его крови — энергии, и сейчас он был похож на медленно остывающий труп.

Энергия, которая оставалась в резервных аварийных батареях, нужна была Ожегову для дела, в которое он не хотел посвящать Икара. Поэтому, приняв решение, Андрей Дмитриевич выключил прожектор и шагнул в открытый люк шлюзовой камеры. Икар молча последовал за ним.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В штурманской рубке. ♦ «Я не оставлю тебя!»
♦ «Звёздочка» — надежда астронавтов. ♦ Дорога
в десять лет. ♦ Жёсткое слово: «надо». ♦ Перед
отлётом. ♦ «Я вернусь, отец!»

— Садись.

Сев в глубокое вращающееся кресло у пульта управления и мельком взглянув на экран локатора, Андрей Дмитриевич указал Икару на соседнее кресло.

Мальчик осторожно сел на самый краешек и вопросительно посмотрел на отца.

— Очень скоро энергия в аварийных батареях иссякнет, — спокойно, как о чём-то совсем

обыденном, сказал командир. — Через месяц с немногим вся энергетика «Малахита» переключится на гелиоэлектростанцию. Она улавливает сейчас совсем ничтожное количество лучей. Этой энергии хватит только на то, чтобы поддерживать постоянную температуру внутри корабля и приводить в действие приборы по выработке кислорода и регулированию состава воздуха. Пищи и воды у нас хватит на тридцать лет. «Малахит» прекратит своё существование только в том случае, если столкнётся с крупным метеором или попадёт в зону притяжения какой-нибудь звезды и сгорит в ней.

Андрей Дмитриевич испытующе посмотрел на сына.

— Я послал радиogramму на Землю. Если она не встретит никаких помех, через 20 лет людям станут известны подробности катастрофы. И тогда на Сирасколию полетят новые корабли.

— Но нас уже не будет, отец, — чуть слышно сказал Икар.

— Нет, мы должны быть, малыш, — уверенно ответил Андрей Дмитриевич. — Не знаю, как я, но ты... ты обязательно должен быть. Я мечтал о Сирасколи всю жизнь, и если мне не удастся, ты должен быть среди первых, кто достигнет её. Именно поэтому нам с тобой придётся расстаться, сынок. Выход только один — «Звёздочка». «Звёздочка» отнесёт тебя на Землю всего за шесть-семь лет.

Синеватая бледность разлилась по лицу Икара. словно подброшенный тугой пружиной, он

вскочил с кресла и схватил отца за руки.

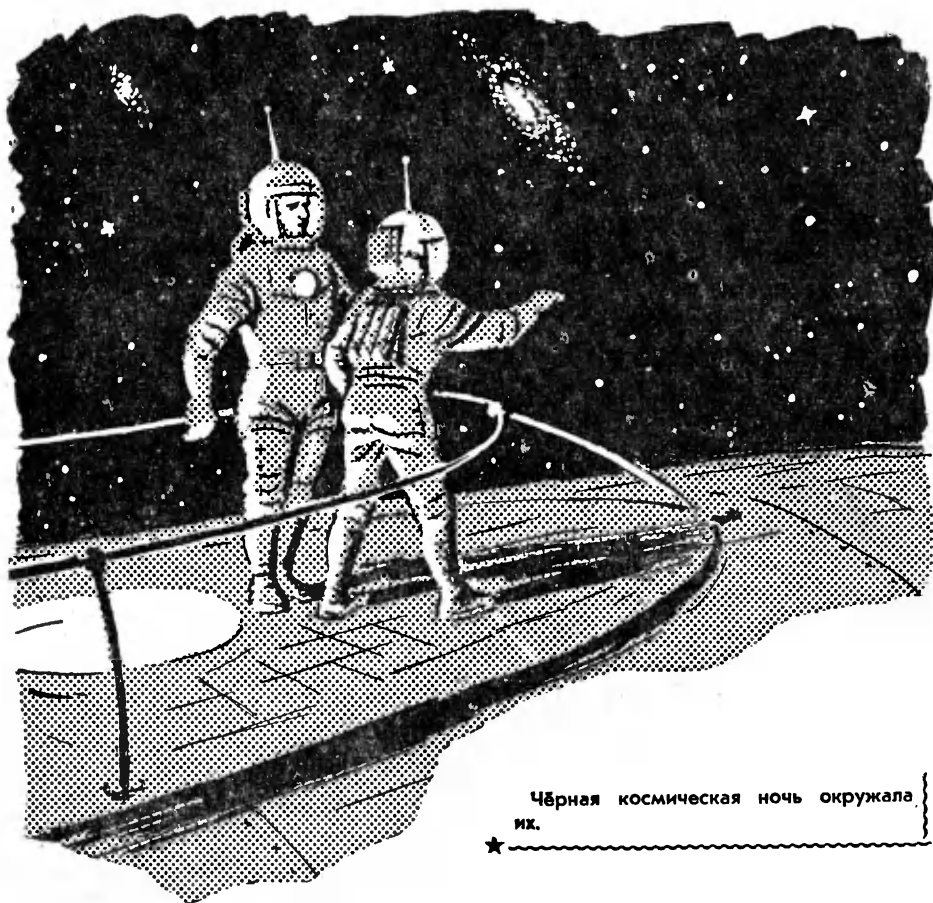
— Я не оставлю тебя! Слышишь!.. Я не оставлю тебя, я не полечу на «Звёздочке», — задыхаясь, шептал Икар, и крупные слёзы дрожали в уголках его глаз. — Если нам обоим нельзя спастись, мы погибнем вместе.

Сдерживая волнение, Андрей Дмитриевич ласково погладил сына по голове.

— Погибнуть — это самое простое, что мы можем сделать. Но мы должны жить, непременно должны жить, чтобы открыть людям тайну «зон неприступности», чтобы опять повести к Омеге свои корабли. Поверь, мне тоже нелегко расставаться с тобой, но больше ничего придумать нельзя. Ты приведёшь сюда новый звездолёт, и, может быть, мы ещё встретимся с тобой, чтобы вместе закончить наш полёт. Будь мужчиной, Икар! Земля ждёт тебя. А здесь, в Космосе, тебя буду ждать я.

Икар знал, что если отец говорит о «Звёздочке», значит, это действительно единственный и самый разумный выход. Прижавшись лицом к его груди, он беззвучно плакал, потому что, не смотря ни на что, понимал: когда он вернётся с Земли с новым кораблём и найдёт (да и найдёт ли!) останки «Малахита», отца уже не будет в живых.

«Звёздочка» была двенадцатиметровым конусом «Малахита», автоматической аварийной ракетой с самостоятельным двигателем. Запаса энергии в ракете должно было хватить только на первый толчок, который бы вывел её на заданную траекто-

Чёрная космическая ночь окружала их.

рию. Дальше она должна была двигаться в свободном полёте. Все её отсеки были заполнены контрольной аппаратурой. В случае катастрофы, которая грозила бы полным уничтожением корабля, ракета, в специальных контейнерах которой хранились карты, схемы, микрофотоплёнки, результаты всех наблюдений, автоматически отделялась от корпуса звездолёта. После этого кибернетический робот должен был включить механизмы, рассчитать курс и повести ракету по направлению к Земле. На орбите Плутона специальные устройства должны были перехватить её, чтобы люди на Земле

могли узнать результаты экспедиции.

Использовать двигатель «Звёздочки» для «Малахита» было невозможно: маломощный, он не смог бы провести большой корабль через «зону неприступности», не выдержал бы единоборства с силой притяжения осколочной материи. Нельзя было идти с ним и к Омеге. Крупные, тяжёлые звёзды созвездия притянули бы звездолёт к себе, и он бы сгорел в пучине огня, задолго до того, как успел бы приблизиться к любой из них.

«Звёздочка» не предназначалась для спасения людей. В ракетах подобного типа строго

рассчитан каждый килограмм веса, каждый квадратный сантиметр площади. Губительными были бы для пассажиров «Звёздочки» и жёсткие радиоактивные излучения, которые, хотя и в незначительной степени, но всё же проникали сюда сквозь защитные прикрития.

И всё же после сложных расчётов, выполненных с помощью электронной вычислительной машины, Ожегов решил, что вместе с приборами в ракете может улететь Икар и, если одеть его в непроницаемый для излучения скафандр, есть надежда, что он благополучно достигнет Земли. Для этого надо облегчить вес ракеты на столько, сколько весят Икар в скафандре и приборы для выработки и регулирования воздуха. Всего около семидесяти килограммов. Ровно столько весит одно из трёх автоматических импульсных орудий, предназначенных для уничтожения метеоритов. Из опыта пятилетнего полёта Ожегов знал, что третья пушка — конструкторский просчёт. Двух было вполне достаточно, потому что вероятность столкновения крохотной «Звёздочки» с метеоритом в безбрежных просторах Космоса была ничтожной.

Всё это Андрей Дмитриевич объяснил вздрагивающему от волнения Икару. И только в одном он покривил душой — путешествие на «Звёздочке» к Земле, даже при самых благоприятных условиях, когда ракете не пришлось бы ни разу менять свой курс, должно было занять не шесть лет, а по крайней мере вдвое больше. Командир знал —

открой он это Икару, отними у мальчика надежду спасти его, — и всё было бы кончено: он никогда не оставил бы «Малахит».

— Возьми себя в руки, сынок, — твёрдо сказал Андрей Дмитриевич. — Запасы энергии подходят к концу, а у нас ещё много работы.

И, бережно отстранив Икара, он вышел из штурманской рубки. Скоростной лифт перенёс его в носовой конус корабля.

Надо было освободить место для Икара, сделать какое-то подобие каюты, и Андрей Дмитриевич приступил к работе. Насупленный Икар молча помогал ему — относил разобранные детали в глубь корабля.

Вскоре «каюта» была готова. Это была прямоугольная выемка шириной в семьдесят сантиметров, длиной в два и высотой в полтора метра, которая выходила к пульту управления ракетой. Стараясь не глядеть на сына, Андрей Дмитриевич установил в каюте гидравлическое кресло, потому что Икар большую часть пути должен был провести во сне, принёс микрофильмы и любимые микрокнижки мальчика. Обдуманно, не торопясь, уложил он в контейнеры документы экспедиции, корабельный журнал, карты, плёнки — всё, что там, на Земле, должно было помочь людям довершить всё его дело; отрегулировал аппараты, подающие и меняющие воздух; засунул в карман Икару коробку с питательными и снотворными таблетками. Его лицо побледнело, но движения были точными и размеренными. И только по то-

му, как резко бились синие жилки на его висках, как судорожно сглатывал он время от времени сухой ком, застрявший в горле, можно было понять, как ему тяжело.

Сигнальная красная лампа на потолке коридора трижды моргнула, предупреждая, что запасы энергии в первой очереди батарей подходят к концу. Молочно-белый дневной свет, заливавший всё вокруг, стал медленно блекнуть, разбрасывая по углам густые тени. Андрей Дмитриевич бережно прижал к себе Икара и начал помогать ему надевать тяжёлый скафандр.

Мальчик уже не плакал. Привыкнув всегда и во всём верить отцу, он и сейчас поверил в то, что скоро вернётся на новом корабле, который будет в сто, нет, в тысячу раз лучше «Малахита». Он разыщет останки «Малахита» в космической пучине и спасёт отца. Ведь он говорил, что сможет удержаться свыше тридцати лет. Значит, времени достаточно. А потом они вместе возьмут курс на Сирасколию. А «Малахит»... Корпус «Малахита» они приведут на Землю и установят его на самой большой площади Москвы, как памятник Соколову, Бахтину и другим героям, погибшим в борьбе за покорение межзвёздных пространств.

И глаза мальчика, полные детской скорби и горя, пристально глядели на отца, словно хотели навсегда запечатлеть

каждую черту его мужественного, открытого лица, его широкие плечи, согнутые невидимой тяжестью, и синие жилки на локтях, сильных руках учёного и строителя — то неповторимое и родное, что заключено в самом слове — отец.

Щёлкнули затворы шлема, и Икар шагнул в каюту. Медленно закрылся люк, и уже в наушниках он услышал приглушённый голос отца.

— Мужайся, сынок, — говорил Андрей Дмитриевич. — Помни, я верю в тебя. Верю, что ты поведёшь ещё не один корабль на штурм звёздного мира через «зону неприступности», через все трудности, которые выпадают на долю первооткрывателя. Лети, Икар! Счастливого тебе пути, малыш!

— Прощай, отец! — глотая набегающие слёзы, крикнул Икар в микрофон. — Я ещё вернусь! Слышишь! Я обязательно вернусь!

Ожегов нажал на кнопку, и «Звёздочка», отделившись от «Малахита», превратившегося сейчас в куцый металлический цилиндр, начала стремительно набирать скорость. Некоторое время Андрей Дмитриевич, припав к электронному телескопу, ещё видел яркую точку, катившуюся по небосклону, а затем она растаяла в черноте космической ночи. Он остался один. У командира больше не было ни экипажа, ни корабля.

(Продолжение следует)

РАССКАЗ
ШКОЛЬНИКА

КАК-ТО в начале зимы мой отец вместе с другими колхозниками рубил лес для нового колхозного свинарника. Свалили они одно дерево, а в нём дупло.

— Может, живёт кто в дупле... — сказал отец и засунул туда руку.

В дупле оказались две белочки. Они были бездыханные. Видно, сильно ударились, когда упало дерево. Отец положил их под ватник: может, в тепле отойдут.

И действительно, вскоре одна белочка зашевелилась и начала царапать ватник: дескать, выпускай меня на волю. Вторая так и не отошла. Её отец отдал учителю биологии на

чучело, а живую принёс домой.

— Пусть, — говорит, — побудет до весны. А там снова на волю выпустим.

— Конечно, — обрадовался я. — Кормить её будем хорошо, присматривать за ней. Вот только где бы её поселить?

— На шкафу. Онито, белочки, любят жить высоко. Сними со шкафа книжки, чтобы невзначай не погрызла, постели кусок войлока — вот и будет ей квартира.

Я сделал всё, как советовал отец. Потом подумал и поставил на шкаф блюдечко с водой, положил печенье. Пусть ест да набирается сил.

Был уже поздний час. Все мы легли спать. Я чуть не уснул, как вдруг вспомнил, что мы не дали белочке никакого имени.

— Папа, а как мы

будем называть нашу рыжуню? — спросил я.

— Рыжуню, говоришь? Да так и назовём — Рыжуней.

Утром Рыжуня проснулась раньше всех. С весёлым цоканьем она прыгнула на печь, оттуда на полку с посудой, с полки на комод и неожиданно остановилась перед зеркалом.

Некоторое время белочка внимательно рассматривала себя в зеркале, потом осторожно протянула вперёд лапку. Лапка наткнулась на стекло. Белочка быстро отскочила.

Я засмеялся. Рыжуня испугалась и птицей взлетела на шкаф.

Проснулся отец. Стал собираться на работу. Обул валенки, надел ватник и потянулся рукой к вешалке, где обычно висела его шапка. Но шапки там не оказалось.

— Ты куда перевесила вчера мою шапку? — спросил он у мамы.

— Шапку? Кажется, не трогала я её.

— Куда же она могла деваться?

— Может, свалилась за скамейку?

И мы стали искать под скамейкой, за столом. Нигде шапки не было. Наконец обнаружили её в самом углу за фикусом.

Отец в недоумении поглядел на маму, потом на меня:

— Вот так штука! Как же она очутилась здесь?

— Может, крысы затянули? — высказала предположение мама.

— Может. — Отец стал рассматривать шапку и сердито закричал:

— Они, мерзавцы, всю цигейку обгрызли!

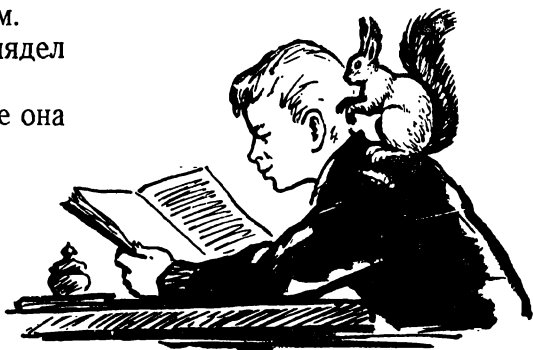
На работу отец пошёл в старой шапке, которую я после долгих усилий вытащил кочергой из-за печки. А новую, испорченную крысами, он отдал мне и сказал:

— Положи на шкаф. Она для Рыжуни лучше дупла будет.

Когда я залез на шкаф, то глазам своим не поверил. В уголке лежал не серый кусок войлока, который я положил, а какой-то незнакомый, чёрный-чёрный. Что такое? Я взял его и стал рассматривать. И что бы вы подумали? Он был аккуратно услан цигейкой с папиной шапки...

Тут же я решил: об этой белочкиной проделке рассказывать никому не буду. Что случилось, то случилось. Не поправишь. Только теперь надо глядеть в оба, чтобы другие меха Рыжуня не попортила.

И, надо сказать, папина шапка очень понравилась Рыжуне. Она натаскала туда шерсти, и получилась хорошая постель. Скрутится на ней Рыжуня клубочком, хвостиком укроется и спит себе не хуже, чем в родном дупле.

Все в нашем доме очень жалели белочку-сиротку. Поэтому каждый старался угостить её чем-либо вкусным — кто печеньем, кто конфетами. Но больше всего любила Рыжуня семечки, сушёные грибы и корочки чёрного хлеба. Такое «меню», как шутил отец, она не хотела менять ни на какие конфеты.

Первое время наша квартирантка дичилась нас. Протянешь к ней руку, чтобы погладить, а она прыг — и на шкаф. Смотрит оттуда бусинками-глазами и будто говорит:

«Поймать меня хочешь? Нет, не так это просто».

Но прошло недели две, и Рыжуня стала смелей. Поняла, наверно, что никто обижать её не собирается. В первую очередь она подружилась со мной. Сяду я за стол, раскрою учебник по чтению, — я в четвёртом классе учусь, — а Рыжуня тут как тут. Прыгнет на плечо, удобно усядется и смотрит в книгу, словно пытается прочесть.

А я с места двинуться боюсь, чтобы не испугать её. Так и готовим домашнее задание вместе.

А ещё мы с Рыжуней устраивали игру. Я бросаю куда-либо скомканный лист бумаги, а белочка скок-скок — бумагу зубами возьмёт и ко мне. В эту игру Рыжуня могла играть сколько угодно. Очень, видать, она нравилась ей.

Шло время. Рыжуня всё больше и больше привязывалась ко мне. Дошло до того, что она даже не могла выпустить меня из дому одного. Не успею я надеть пальто, а белочка уже сидит на моём плече и нетерпеливо по-

глядывает то на меня, то на дверь, — как бы говорит:

«Что это ты неповоротливый такой? Идём быстрее!»

Первые дни на дворе она вела себя смирно, даже плеча моего не покидала:

Но постепенно привыкла и стала взбираться на деревья. Боялся я поначалу: а вдруг убежит в лес? Он же, лес, рядом, рукой подать. Но не убегала Рыжуня. Я поцокаю языком — это такой у меня сигнал был, — и Рыжуня уже на моём плече сидит.

Глядя на нас, мама улыбалась и говорила:

— Вот уж неразлучные. Скоро, наверно, и в школу вместе ходить будете.

Но, нет. Идти с Рыжуней в школу я не собирался. Разные там есть люди. Ещё начнут пугать белочку или в руках подержать захотят. А чужих рук она не любила — больно царапалась, когда кто-либо брал, и тут же вырывалась.

Первым в этом убедился Филипка — мой сосед. Как-то зашёл он ко мне и стал упрашивать: отдай, мол, ему белочку. Дескать, он дрессировщик и выучит её различным фокусам. А взамен предлагал мне весной дать скворца, которого сам научит разговаривать.

— Дрессировщик! — засмеялся я. — Ты даже своего Бобика никак не выучишь на улицу выходить. В нашем доме из-за этого все углы нехорошо пахнут.

Филипка запетушился:

— Не веришь? Тогда смотри!

Он схватил Рыжуню, поднёс к лицу и подул ей в нос. Рыжу-

ня цапнула его лапой за щеку и вырвалась. На щеке Филипки показалась кровь.

Нехорошо, конечно, смеяться над чужим горем. Но я не выдержал, захохотал. Пусть не лезет! Филипка обиделся и ушёл от меня.

НАСТУПАЛА весна. Сильней стало пригревать солнышко. И Рыжуня всё чаще и чаще стала проводить время возле окна. За окном по-весеннему живо чирикали воробьи, мелодично звенела капель. Рыжуня тоскливо смотрела и смотрела...

— Хочется ей на волю, — сказал однажды отец. — Может, отнесёшь её в лес?

Признаться, очень не хотелось мне расставаться с белочкой. Полюбил я её. Поэтому ничего и не ответил папе, только голову опустил, чтобы не глядеть ему в глаза.

А папа продолжал:

— Пойми, погибнет она летом в комнатной духоте. Белки, они лесное приволье любят.

— Хорошо, — ответил я. — Выпущу. Завтра же.

Старался сказать это как можно спокойней, да не вышло. Голос сорвался.

— Эх, а ещё мужчина! — упрекнул меня отец.

В комнату вошла мама, внимательно посмотрела на меня:

— Что тут у вас? Не поссорились ли?

— Вот ещё выдумала, — засмеялся отец. — Мужчинам ссориться не к лицу.

— Ну, тогда вот что, мужчины, — мама достала из сумки пятьдесят рублей, — сходите

кто-нибудь в магазин и купите сахару и дрожжей. Тесто надо для булок приготовить.

Я зажал в кулак пятидесятирублёвку и надел пальто. В то же мгновение Рыжуня прыгнула мне на плечо. Мы пошли.

— Купи и ей что-либо! — крикнула вдогонку мама.

На улице дул тугой, сильный ветер. Этот ветер и яркое солнце на глазах «съедали» снег. Из белого он превращался в серый. Весело журчали ручейки.

Когда я поравнялся с липами, что растут возле нашего правления колхоза, откуда-то выбежал Филипка.

— Здорово! — протянул он руку.

Я также протянул ему руку. А ветер как рванёт мою пятидесятирублёвку, как подхватит её и... прямо на высоченную липу.

У меня даже ноги подкосились. Что теперь делать, как достать деньги? Деньги-то ведь большие! Целых полсотни! Попадёт теперь мне дома! Мама моя на руку горячая.

И тут... Нет, вы даже не поверите мне! Но, честное пионерское, не вру...

Рыжуня спрыгнула с моего плеча, птицей взлетела на липу и взяла застрявшую в веточках пятидесятирублёвку. Через минуту я засовывал деньги в карман.

— Она у тебя дрессированная? — удивлённо вытаращил Филиппка глаза.

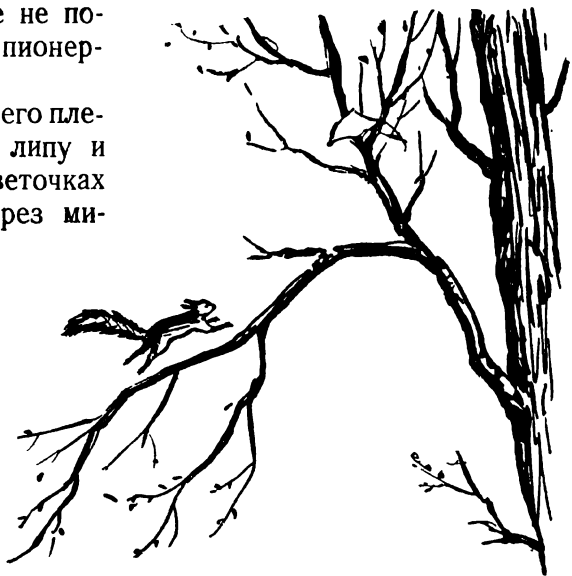
— А ты думал, как твой Бобик? — радостно закричал я.

Откровенно говоря, от радости не только прыгать, плясать мне хотелось. Ну и молодчина белочка! Вот это выручила!

Тут же я решил купить Рыжу не целую пачку печенья. Пусть потом мама, что хочет, говорит.

Но Рыжуня... Рыжуня беспокойно покрутилась на моём плече и снова — на липу.

— Думает, что там ещё день-

ги найдёт. Будто на липе государственный банк, — пошутил Филиппка.

А мне было не до шуток. Рыжуня посмотрела на меня бусинками глаз, расправила пушистый хвостик и птицей перелетела на другую липу. Потом на третью, четвёртую... а там в лес...

Я побежал вслед за белочкой, стал цокать языком, звать, чтобы вернулась. Рыжуня останавливалась, но не надолго и снова перепрыгивала с дерева на дерево, пока не скрылась в ветках густой ели.

Дома папа спросил:

— Отнёс Рыжуню в лес?

— Отнёс. — Я вздохнул.

— Вот и молодец. А сахар где?

Только теперь я вспомнил, что даже в магазин забыл зайти. Не говоря ни слова, я снова вышел на улицу.

Солнце показалось тусклым, совсем не весенним, и ручейки уже не журчали, а бормотали какую-то несурязицу.

Пусто было на душе без Рыжуни.

Через некоторое время послала меня мама в лес за еловыми шишками для самовара.

Я быстро собрал шишки и стал звать Рыжуню. И вы подумайте! Вскоре на сосне что-то зашелестело, и из-за толстого

сука на меня посмотрели глазбусинки моей любимицы.

— Иди сюда! — похлопал я по плечу.

Только не пошла ко мне Рыжуня. Посидела ещё и скрылась в густых ветках сосны.

Скрылась навсегда.

Авторизованный перевод с белорусского
ПАВЛА ТКАЧЁВА

И. Курлат

Мама всё умеет...

Сынок, придя из школы,
Сказал однажды маме :
— Сумеешь расписаться
С закрытыми глазами?

— С закрытыми? Конечно,
По-моему, сумею...

— Тогда возьми дневник
мой

И распишись скорее!

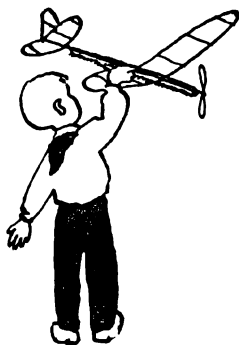
Рис. А. Мартынова

Где Дед Мороз?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Где укрылся Дед Мороз,
Что подарки нам принёс!

Мальчик-клянчик

(ФЕЛЬЕТОН)

За окнами люстры огнями горят.
Машины стоят у гостиницы в ряд:
Синие, чёрные, красно-кирпичные —
Наши советские и заграничные.

Едут к нам гости из Англии, Франции.
Все мы готовы дружить с иностранцами —
С неграми, немцами и египтянами;
С учителями, врачами, крестьянами.
Даже банкиров-миллионеров
Любезно проводим мы в Дом пионеров,
Покажем, расскажем, как полагается, —
Пусть смотрят банкиры, пускай удивляются!

В гостинице хлопают двери парадной.
Люди заходят, выходят обратно.
За дверью — швейцар в галунах золотых,
А здесь, на панели, — мальчишка притих.

Володя Сеницын, из класса шестого,
В хорошем пальтишке и кепочке новой.
Давно уже вымок, продрог и замёрз.
Чего же стоит он?..
Серьёзный вопрос.

Есть в классе, конечно, друзья у Володи,
Но каждый по-своему время проводит:
Одни в волейбол на площадке играют,
Другие приёмник в кружке собирают,
У третьих в программе народные танцы.
И только Володя... влюблён в иностранцев!

Сеницын такой удивительный мальчик!
Не шьёт, не читает, не строит,
А клянчит..
Он шепчет заморскому дяденьке робко:
— От спичечек мне подарите коробку..
Гут морген! Бонжюр! Извиняюсь! Спасибо!
А эту бумажку вы дать не смогли бы?..

Дождлся Володя заморской подачи:
Обёртки с какой-то резиновой жвачки.
Бежит к фонарю он с находкою редкой:
Достались Володе от кашля таблетки!
Доволен Сеницын! Сияет Сеницын!
В коллекции кашель и тот пригодится!
Назначил себя он бессменным дежурным
На мокрой панели у мусорной урны...

В гостинице хлопают двери парадной.
Идут иностранцы туда и обратно.
Одни — всем прохожим в пути улыбаются,
Другие угрюмы — им всё здесь не нравится,
На наши победы взирают со злостью,
Но что ты поделаешь — гости так гости!

Ни разу банкиры-миллионеры
Не щёлкнули «Лейкою» Дом пионеров.
На автомашине по городу быстро
Обратно в гостиницу едут туристы.
Подъехали. Видят: в парадной при входе
Стоит, улыбаясь, Сеницын Володя.

— Сеньор! Этикетки у вас не найдётся?.. —
Сеньор улыбается, даже смеётся!
Мигает партнёру с блестящею «Лейкой».
— О'кэй! — говорит. — Этикетка? Наклэйка?..
Он долго в карманах копается где-то,
И вдруг на панель покати́лась монета.
За нею мгновенно дугою Сеницын.
И щёлкает «Лейка» в сиянии бли́ца.

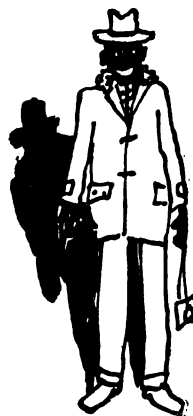
...Стоит у парадной гостиницы мальчик:
Значками меняется, марочки кланчит.
Володя Сеницын из класса шестого.
На нас он в обиде:
— А что тут такого?..
— Ведь мне ж для коллекций!..
— Ведь я ж экспонаты...
Он что-то не понял, наверно, ребята.

Коллекционер он?
Да нет — побирושка.
Смешной, неразборчивый, маленький Плюшкин.
Не стоило б с ним заводить разговора,
Но этот Сеницын наш город позорит!

Не дед ли Володин банкиров правительство
Октябрьской ночью из Зимнего вычистил?
А внук? За подачкой заморскою тянется?
Готов за наклейку бумажную кланяться?

Чего тут у мальчика-кланчика нету!
Значки, этикетки, открытки, монеты,
Почтовые марки — всего и не счесть!
А честь
у Володи Сеницына

есть?

Приключения Атомика

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

ЗДРАВСТВУЙТЕ, дорогие ребята!

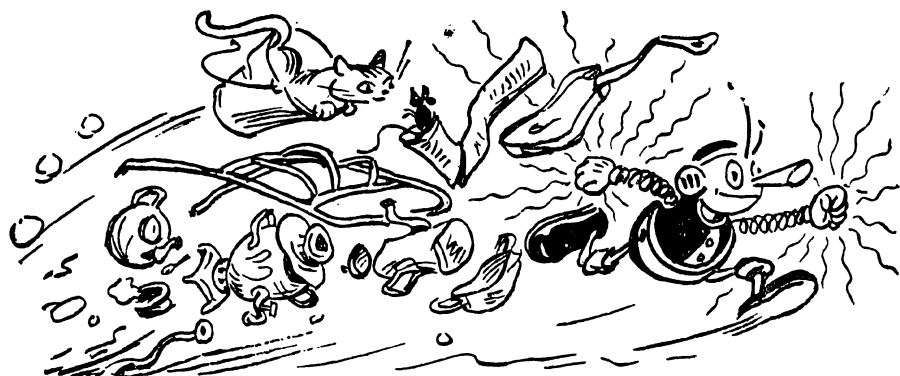
Меня зовут Ато́мик. Я появился на свет в январе 1960 года. Но я уже умею говорить и считать потому, что в моей голове находится умная электронная машина. Я умею ходить потому, что в моей груди помещён могучий атомный двигатель. И видеть я могу очень далеко потому, что мои глаза — телестанции. На голове у меня всего две волосины, но зато какие! Настоящие антенны! А мои руки — мощные электромагниты.

Ребята сделали меня для того, чтобы отправить на Луну.

Первое испытание

Испытание решили произвести на соседнем дворе. Там условия, наверное, ещё тяжелее, чем на Луне. Всюду горы железного хлама и ямы, глубокие, как кратеры.

Что такое? Наверное, когда я упал, от толчка включились руки-магниты. Сейчас я погибну под этой грудой железа!

Мои друзья очень довольны. Оказывается, что это старое железо называется металлоломом. Ну что ж, я рад помочь им, хотя и не знаю, зачем им этот металлолом.

(Продолжение в следующем номере)

В ЯНВАРЕ этого года весь мир отмечает столетие со дня рождения великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Антон Павлович писал и для детей. Его рассказы «Ванька Жуков», «Детвора», повесть «Каштанка» известны каждому советскому школьнику.

А знаете ли вы, ребята, что собака Каштанка действительно жила на свете? Вы помните по повести, что она вернулась в конце концов к своему хозяину-столяру. Как же могла сложиться дальнейшая жизнь этой знаменитой собаки? Об этом вы узнаете из рассказа «Судьба Каштанки».

В. Штрикёр

Рисунки П. Вискова

СУДЬБА КАШТАНКИ

РАССКАЗ

ЗИМА 1888 года в Петербурге была особенно холодной. Так, по крайней мере, казалось доктору Оскару Фёдоровичу Мейеру, когда он однажды, озябший и голодный, вернулся поздним вечером в свою уютную квартиру на Знаменской улице.

Вся многочисленная докторская семья уже спала. Лишь горничная поджидала доктора, чтобы накормить его.

Едва Оскар Фёдорович уселся за стол, как в передней раздался звонок. Горничная выбежала отворить и тут же вернулась.

— Вас спрашивает какой-то странный человек, — сказала

она хозяину. — В шубе, в цилиндре, а лицо размалёвано, как у индейца...

Рассерженный доктор бросил вилку, вышел в переднюю. Там стоял незнакомец, опустив голову, прислонившись к косяку двери. Из-под распахнутой его шубы выглядывал странного покроя светлый костюм с блёстками.

— Ради бога, простите! — обратился он к доктору. — Я артист. Моя фамилия Дуров... Из дому дали знать, что мой ребёнок при смерти... Вот я и примчался к вам прямо из цирка. Даже не успел переодеться. Умоляю, поедem ко мне, спасите ребёнка...

Это был один из родоначальников знаменитой цирковой династии Владимир Леонидович

Дуров, выступавший со своими дрессированными животными в Петербургском цирке Чинизелли.

С больным малышом доктору пришлось провозиться довольно долго. Лишь под утро маленький пациент заснул сладким, здоровым сном.

Уже светало, когда Оскар Фёдорович вышел в переднюю. Его провожала вся семья знаменитого артиста. Все горячо благодарили доктора за спасение ребёнка. Сам Дуров подал ему шубу, а шапку... поднесла, стоя на задних лапах, небольшая рыжая собачонка, очень похожая мордой на лисицу.

— Умница-разумница! — воскликнул, умиляясь, доктор, принимая шапку и поглаживая собачку. — Откуда ты такая взялась?..

— Собачка эта не простая, а, если так можно выразиться, «литературная», — сказал Дуров. — Её историю описал в недавно вышедшей повести мой друг Антон Павлович Чехов.

— Так это Каштанка?! — удивился Оскар Фёдорович.

— Она самая.

— Но ведь Каштанка, помнится, вернулась к своему первому хозяину-столяру?..

— Вернулась! — не без сожаления признался Дуров. — Этим и кончается её история в повести. В действительности же история имеет интересное продолжение. Ну мог ли я расстаться с исом, с которым мы так подружились и сработались!

Выйдя с доктором, чтобы проводить его, Дуров продолжил рассказ о Каштанке.

Маленькая рыжая Каштанка была первой среди дрессированных собак Дурова. Однажды она заблудилась, потеряла своего хозяина-столяра и, беспомощная, несчастная, остановилась у незнакомого подъезда. Шёл снег, было холодно. Обессиленная, голодная собачка жалась к двери, чтобы хоть чуточку согреться.

Но дверь неожиданно толкнула её в бок. Собака вскочила. Из отворенной двери вышел какой-то человек... Каштанка поглядела на незнакомца сквозь снежинки, нависшие на ресницы, и увидела перед собой коротенького и толстенького человека с бритым, пухлым лицом, в цилиндре и в шубе нараспашку.

Он сбил пальцем с её спины снег, сделал Каштанке знак рукой, который мог означать только одно: «Пойдём!».

Каштанка пошла, и стала

жить у артиста. Через некоторое время она сделалась «учёной» и с успехом выступала на цирковой арене.

Однажды, во время представления, Каштанка через головы публики убежала на галёрку: она услышала голос своего старого хозяина-столяра...

Как только собака бросилась с арены цирка на зов своих старых хозяев, ошеломлённый Дуров несколько секунд не двигался с места. Но потом, поняв, что произошло, он выбежал за занавеску в проход, соединявший манеж цирка с конюшней. Схватив за плечи шталмейстера, высокого, упитанного человека во фраке, артист быстро прокричал ему, что нужно немедленно задержать тех лиц, которые увели его собаку.

По распоряжению шталмейстера, несколько человек в униформе бросились на галёрку, где пьяненький столяр, покачиваясь, смотрел, как Каштанка, весело скуля, облизывала пухлое, краснощёкое лицо его сына Федюшки.

Столяр категорически отказался куда-либо идти. С трудом установили адрес его квартиры-мастерской...

На другой день рано утром Дуров пришёл к столяру в его полуподвальную квартиру и начал умолять столяра отдать ему собаку, стал предлагать большие деньги: ведь на Каштанку он потратил столько сил и успел полюбить её.

Столяр не то из упрямства, не то из корысти, желая получить ещё больше, категорически отказался вернуть собаку.

Дуров был в отчаянии. Выйдя на улицу и пройдя несколько домов, он машинально взглянул на небольшую вывеску у подъезда одного из зданий. Это была камера мирового судьи 1-го участка. «Вот через суд и потребую собаку», — подумал он и быстрыми шагами прошёл в суд.

В приёмной сидел мировой судья, старик лет шестидесяти, с живыми, энергичными глазами. Он внимательно выслушал Дурова и предложил тут же подать исковое заявление об отобрании собаки.

Настал день суда.

Первым слушается дело по иску Дурова. Дуров и столяр подходят к столу судьи. Артист излагает свою просьбу. Столяр по-прежнему непреклонен...

Судья тихо произносит:

— Придётся, очевидно, оставить собаку у хозяина...

Дуров взглянул умоляюще на судью. Тот задумался. Потом

вдруг встрепенулся и, точно вспомнив что-то, спросил:

— Скажите, истец, сколько времени прожила у вас собака?

— Три месяца.

— И вы всё время её кормили, поили, дрессировали?

— Да, конечно. Она уж совсем свыклась с новой жизнью и из тощей дворняжки превратилась в выхоленного пса.

— Так, так... Ну вот, ответчик, я присуждаю собаку вам, но вы должны будете возместить господину Дурову все расходы по её содержанию, пока она находилась у него.

— Это как же понять? Сколько я должен платить?

Ободрённый Дуров назвал сумму и тихонько добавил:

— Отдашь собаку, получишь ещё обещанное мною...

Столяр не выдержал.

— Давай, пусть будет по-твоему, — сказал он. — Мы согласны, только деньги сейчас же, на бочку...

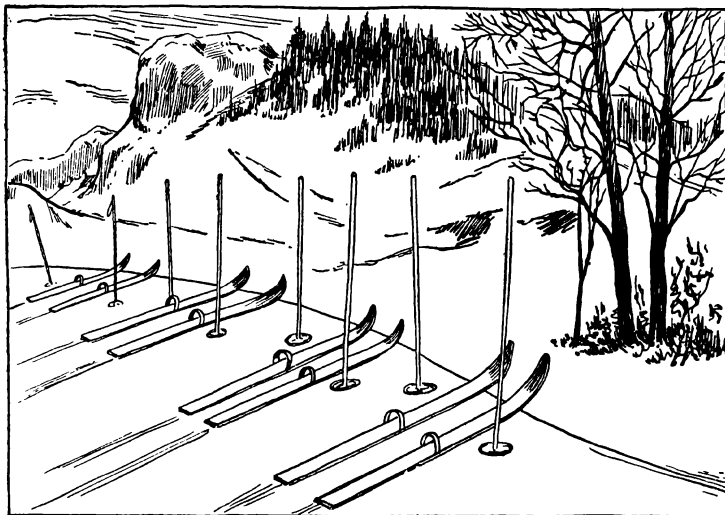
Судья тут же написал решение, что стороны пришли к соглашению и что собака передаётся Дурову, который одновременно вручает столяру договорённую сумму.

* * *

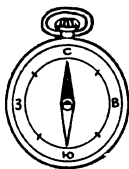
— Вот и вся история Каштанки, — сказал, прощаясь с доктором, Дуров. Прибавлю лишь то, что прославленная Чеховым Каштанка стала в моей труппе животных видной, талантливой артисткой.

Где четыре лыжника?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Пестрые заметки

Неуживчивый подкидыш

ИЗВЕСТНО, что кукушка подкидывает свои яйца в чужие гнёзда, а кукушонок часто выбрасывает из гнезда его законных обитателей.

Учёные-орнитологи установили, что стремление кукушонка вытолкнуть других птенцов из их родного дома объясняется не «жестокостью» или «завистью», а необычайной чувствительностью его кожи. Всякий толчок вызывает у кукушонка резкое сокращение мышц, в результате его сводные братья очень скоро оказываются вышвырнутыми из тесного гнезда.

В кратере вулкана

НАЧАЛ действовать вулкан Килауэа на Гавайских островах. Из кратера и трещин вырывается раскалённая лава, температура которой достигает 1110 градусов. Высоко в небо над островом поднялся столб дыма, паров и серного газа.

Несмотря на опасность, группа учёных предприняла смелую экспедицию на дно кратера, имеющего в диаметре почти 1.600 метров. По его склону экспедиция спустилась на глубину 217 метров и взяла образцы раскалённых камней, лавы и газа.

Тысячи любопытных прибывают на остров полюбоваться грандиозным «спектаклем природы». Действие вулкана не угрожает близлежащим фермерским районам.

Таинственная маска

ПРИ археологических раскопках в Мексике в одной из пирамид было обнаружено захоронение, которое датируется 693 годом нашей эры. Самой интересной находкой при раскопках была янтарная маска, покрывавшая лицо человека, похороненного в пирамиде.

Как туда попала маска? Единственное издавна известное место добычи янтаря находится на побережье Балтийского моря.

Перед учёными встал вопрос — как попал янтарь из Европы в Мексику, к тому же за много столетий до открытия Америки? Происхождение янтарной маски остаётся пока тайной.

Лодка из... бумаги

ИНЖЕНЕР-физик Александр Боганов ещё в детстве увлекался самоделками, особенно авиамоделизмом. Окончив Политехнический институт и работая в Институте химии и силикатов, молодой ленинградский инженер не забыл любимого занятия. Два года назад он начал

мастерить необычную лодку.

На лёгкие деревянные каркасы Боганов наклеивал слой за слоем газеты. Вскоре лёгкие остроконечные поплавки были готовы. Они хорошо удерживали груз. Затем инженер смастерил лёгкую гондолу на 6 человек, поставил мотор.

Лодка из бумаги шла в Финском заливе со скоростью до 30 километров в час, причём не в тихую погоду, а при пятибалльном шторме.

Рис. В. Адаева

Знаешь ли ты?

...что самая большая глубина Мирового океана оказалась равной 11.034 метрам.

...что ежегодный тираж книг, издаваемых в нашей стране более чем на 40 языках, превышает 1 миллиард 100 миллионов экземпляров? Это больше, чем в какой-либо другой стране, и составляет $\frac{1}{5}$ часть мирового производства книг.

...что швейные машины работают и без иглы? Прочность такого крепления намного превосходит ниточное, а готовая одежда имеет более красивый вид. Отдельные детали костюма... склеивают.

(Составил А. Модель)

8, 14, 13, 7, 44 — город на реке
Томь.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44

3, 32, 40, 23 — река в Германии.

36, 41, 9, 39, 30 — порт в Греции.

37, 16, 43, 31 — областной центр

24, 33, 38, 26 — столица государств

5, 12, 22, 6 — приток Волги.

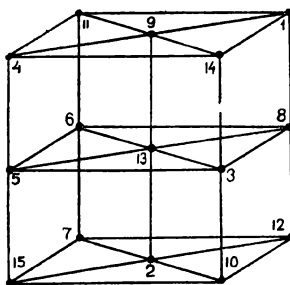
(Ответы к «Искорке» № 12)

1. Рона. 2. Амур. 3. Кама. 4. Ко-
ла. 5. Урал. 6. Кура. 7. Вага. 8. Са-
ва. 9. Сума.

Толстой. «Казачи».

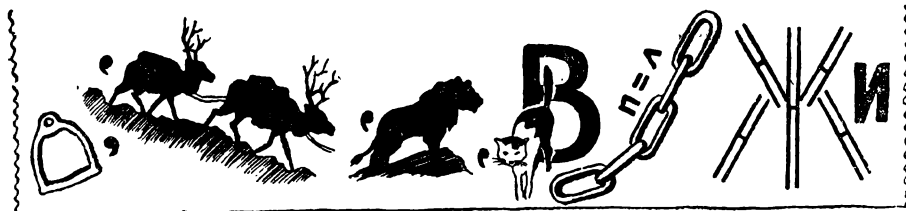
Дорог — тысяча, правда — одна.

Решение смотрите на рисунке.

Коса, осот, соло, атом, сова, один, вино, анод, муха, уран, хаки, анис, Луна, удар, нары. арык, сила, итог, ложа, агат. Возможны другие решения.

РЕБУС

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчику. Стихотворение М. Берновича . . .	1
Возвращение Алёши. Туман и Серко. Рассказы С. Полетаева	2
Вовка-художник. Рассказ В. Козлова	12
«Награда». Семья партизана. Рассказы Д. Мечика . . .	18
Лети, Икар! Фантастическая повесть М. Герчика . . .	26
Ребятам-октябрятам. Рыжуня. Рассказ Е. Курто . . .	48
Мама всё умеет... Стихотворение И. Курлата . . .	53
Мальчик-клянчик. Стихотворный фельетон В. Сус- лова	54
Приключения Атомика. Рассказ в рисунках К. Бекташева	56
Судьба Каштанки. Рассказ В. Штрикера	58
Пёстрые заметки	62
Клуб смекалистых ребят	63

На первой и четвёртой страницах обложки рисунок К. Бекташева и А. Крутцова «Весёлая горка».

На второй странице обложки — «Подвиг школьника».

На третьей странице обложки — с фотоаппаратом по странам мира.

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград. Центр. Фонтанка, 57. А-4-48-51

Сдано в набор 9/XII 1959 г. Подписано к печати 7/I 1960 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,32.
М-26510. Заказ № 1886 формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ВИДИТЕ, как старательно трудится первоклассница 1-й пекинской школы? Трудно приходится китайским ребятам: им надо изучить иероглифы! Но они учатся, чтобы стать грамотными, полезными родной стране людьми. Об этом заботятся партия и народное правительство Китая.

Счастливы живут дети в странах, где у власти стоит народ. Об этом рассказывают снимки, которые напечатаны на этой странице. На среднем из них — венгерские ребята. На весёлом карнавале они получили премии за свои костюмы. На нижней снимке — дошколята Корейской Народно-Демократической Республики, разучивающие новую песню.

(Фотохроника ТАСС)

Цена 1 рубль

